

МИНИСТРЫ ФИНАНСОВ

От Российской империи
до наших дней

Михаил Алексеев Александр Пачкалов

альпина
ПАБЛИШЕР

бизнес

Александр Пачкалов
Министры финансов

«Альпина Диджитал»

2019

Пачкалов А. В.

Министры финансов / А. В. Пачкалов — «Альпина Диджитал»,
2019

Пост министра финансов всегда был одним из самых сложных в России. Но сами министры либо оставались в тени, либо их обвиняли во всех бедах. Из этой книги вы узнаете правду о людях, которые определяли финансовую судьбу страны с начала XIX века до нынешнего дня. Каким был их карьерный путь? Почему они принимали противоречивые, непопулярные и даже опасные решения? Какими они были в быту и в личной жизни? Что делали после отставки? Эта огромная исследовательская работа изложена просто и увлекательно.

© Пачкалов А. В., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

К читателям	7
Вступительное слово ректора финансового университета	8
Предисловие ко второму изданию книги	9
Введение	10
Министры финансов Российской Империи	27
Васильев	27
Голубцов	33
Гурьев	35
Канкрин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Алексеев, Александр Пачкалов

Министры финансов: От Российской империи до наших дней. Монография

Книга издана при участии АО ЮниКредит Банк

Руководитель проекта А. Рысляева

Арт-директор Л. Бенишуша

Дизайнер М. Грошева

Корректор И. Астапкина

Верстка Б. Руссо

Автор фотографии на обложке А. Бронников

Фотография на обложке – реверс рубля 1841 года, выпущенного в память о бракосочетании наследника престола Российской империи Александра Николаевича и Марии Александровны Гессенской. В центре монеты – украшенный картуш под императорской короной. В картуше инициалы – «АМ» (Александр и Мария). Под картушем – буквы «НГ» (инициалы мини-мастера Н. Грачёва). Слева от картуша – Психея со стеблем лилии, справа – Амур с луком в руке. Слева от Психеи обозначение Санкт-Петербургского монетного двора – «СПБ». Под центральным изображением надпись: «16 апреля 1841 года».

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© М. Алексеев, 2019

© А. Пачкалов, 2019

© Оформление. ООО «Интеллектуальная Литература», 2019

* * *

*Столетию Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации посвящается*

К читателям

Наша страна имеет богатейшую историю. В значительной мере на ход происходивших у нас экономических и социально-политических процессов оказывали влияние состояние финансовых отношений и люди, руководившие государственными финансами и кредитом.

Биографии, судьбы тех, кто стоял у руля нашей финансовой системы мало известны широким слоям общественности. Между тем истории жизни героев книги, посвящённой министрам (наркомам) финансов, часто оказываются интересней сюжетов иных авантурных романов, в них, как в капле воды, отразился колорит времён, эпох, в которых жили эти люди, в основной своей массе бывшие очень яркими и самобытными личностями. Секреты их удач и катастроф, взлётов и падений, с которыми неразрывно связаны как славные, так и горькие страницы нашей истории, до сих пор не вполне раскрыты.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой попытку в живой, увлекательной форме приоткрыть завесу тайны, до сих пор покрывающей многие аспекты жизни и работы тех, кто отвечал за состояние финансовых и кредитных отношений в нашем государстве. Настоящее издание даёт возможность по-новому взглянуть на многие процессы и явления, происходившие у нас в сфере финансов и кредита, и на людей, которые были к ним причастны. Монография имеет научную и познавательную ценность.

Появление такого рода публикаций не только позволяет повысить уровень финансовой грамотности и исторической памяти, но и формирует интерес к истории финансов, кредита и денежных отношений, поэтому ЮниКредит Банк счёл возможным поддержать настоящий издательский проект.

АО ЮниКредит Банк

Вступительное слово ректора финансового университета

Настоящее издание книги «Министры финансов» специально подготовлено к столетию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации не случайно. Будучи на протяжении века кузницей кадров для финансовой и банковской системы, других отраслей народного хозяйства, университет подготовил десятки тысяч прекрасно обученных специалистов, в том числе целый ряд министров финансов.

Из числа выпускников Финансового университета (а также вузов-предшественников и присоединённого к университету ВЗФЭИ) министрами финансов стали Арсений Григорьевич Зверев, Валентин Сергеевич Павлов, Владимир Ефимович Орлов, Василий Васильевич Барчук, Борис Григорьевич Фёдоров, Владимир Георгиевич Пансков и Антон Германович Силуанов. Помимо семи министров финансов, университет подготовил большое число заместителей министров и руководителей финансово-банковской системы разного уровня. Первый заместитель министра финансов СССР Виктор Владимирович Деменцев некоторое время фактически исполнял обязанности министра. Владимир Абрамович Раевский, исполнявший обязанности министра финансов СССР, окончил аспирантуру ВЗФЭИ, там же защитил докторскую диссертацию, работал профессором в Академии бюджета и казначейства (оба вуза впоследствии влились в Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации).

Г.Я. Сокольников и А.Г. Зверев занимались преподавательской деятельностью в вузах – предшественниках университета, а В.Г. Пансков и А.Г. Силуанов преподают в Финансовом университете в настоящее время.

Выпускники нашего учебного заведения, ставшие министрами и занявшие другие высокие руководящие должности, достойно показали себя и заслужили того, чтобы память о них была увековечена. В этой связи проект издания книги с жизнеописаниями министров финансов, инициированный выпускником Московского финансового института доктором экономических наук Михаилом Юрьевичем Алексеевым и реализованный им совместно с доцентом Финансового университета Александром Владимировичем Пачкаловым, представляется нам очень важным и заслуживающим большого внимания.

В представленной вниманию читателя книге, являющейся результатом масштабной научно-исследовательской работы, которая велась её авторами на протяжении ряда лет, собраны подробные биографические сведения всех главных финансистов нашей страны, руководивших финансовой системой государства на протяжении более чем двух столетий. Книга содержит уникальную информацию, которая может оказаться бесценной для студентов, имеющих амбиции подняться на вершину финансового Олимпа, и просто полезной для тех, кто интересуется историей отечественных финансов, денежного обращения, вопросами практического менеджмента, жизнью и судьбами выдающихся людей.

Хочется надеяться, что авторы этого замечательного уникального издания не будут останавливаться на достигнутом и продолжат свою научно-исследовательскую работу, а среди учащихся и выпускников нашего университета в будущем появятся те, кто по праву станет героем подобного рода изданий!

*Ректор Финансового университета при Правительстве РФ
доктор экономических наук, профессор
Михаил Абдурахманович Эскиндаров*

Предисловие ко второму изданию книги

При подготовке основного тиража издания авторы постарались существенно дополнить и переработать его, максимально вовлекая в процесс работы над книгой тех, кто когда-то был министром, близко общался с уже ушедшими из жизни главными финансистами.

Авторы выражают благодарность первому заместителю председателя Правительства Российской Федерации, министру финансов Антону Германовичу Силуанову, бывшим министрам финансов СССР и России, Михаилу Михайловичу Задорнову, Михаилу Михайловичу Касьянову, Алексею Леонидовичу Кудрину, Владимиру Георгиевичу Панскову, Анатолию Борисовичу Чубайсу, а также бывшему первому заместителю министра финансов СССР Владимиру Абрамовичу Раевскому, бывшему советнику Президента СССР Олегу Ивановичу Ожерельеву, семье бывшего министра финансов СССР Валентина Сергеевича Павлова, ректору Финансового университета при Правительстве России Михаилу Абдурахмановичу Эскиндарову, учёному-исследователю Николаю Ивановичу Кротову и всем, кто помогал в подготовке настоящего издания, за уделённое авторам книги время и вклад в работу над проектом.

Хотелось бы выразить отдельную благодарность Председателю Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентине Ивановне Матвиенко за предоставленную возможность выступить 16 января 2019 года на заседании Совета Федерации с сообщением о роли министров финансов в проведении структурных реформ, основанном на материалах книги, а также за содействие в распространении издания среди подавляющего большинства российских сенаторов.

Введение

Настоящая книга ставит своей целью представить в простой, краткой, увлекательной, интересной для разных категорий читателей форме рассказы о жизни и деятельности главных финансистов нашей страны. В монографии приводятся не только ранее не публиковавшиеся новые факты и сведения, но и наиболее выразительные мнения о личностях героев повествования, сохранившиеся в исторических источниках.

Отличительной особенностью настоящего издания является то, что многие оценки и акценты в описании характеров и деятельности министров даются существенно иначе, чем это сделано в монографии, изданной в рамках проекта «Библиотека Б. Г. Фёдорова», и ряде других работ. Изменение угла зрения стало возможным благодаря использованию гораздо большего числа источников, чем в упомянутой книге, и критическому переосмыслению многих моментов. Например, введение в оборот ряда дополнительных ресурсов позволило в не столь однозначно мажорном ключе трактовать жизнь и деятельность такого известного реформатора, как С. Ю. Витте.

Для того чтобы по-новому, свежим взглядом посмотреть на личности и характер деятельности некоторых министров финансов, при написании книги пришлось поднять огромный пласт материалов, так или иначе имеющих отношение к теме исследования. Личностям министров финансов Российской империи, наркомам и советским министрам финансов, руководителям финансовых ведомств современной России посвящено немало разного рода публикаций. Характеристики фигур министров финансов давались в воспоминаниях многих их современников.

В числе наиболее содержательных, ярких, информативных и важных для воссоздания образов главных финансистов страны можно выделить использовавшиеся при подготовке настоящего издания мемуары Б. Г. Бажанова, Ф. Ф. Вигеля, А. Н. Витмер, В. И. Гурко, Г. Р. Державина, В. Ф. Джунковского, А. П. Извольского, А. С. Изгоева, А. А. Киреева, И. И. Колышко, А. Ф. Кони, В. Н. Ламздорфа, В. Б. Лопухина, М. Я. Ларсонс, В. П. Мещерского, П. Н. Милюкова, Г. Н. Михайловского, В. Д. Набокова, А. А. Половцова, Г. И. Серебряковой, К. А. Скальковского, Г. А. Соломона, А. С. Суворина, Ф. Г. Тернера, И. И. Толстого, И. И. Тхоржевского, С. Д. Урусова, Е. М. Феоктистова, А. В. Храповицкого, С. Д. Шереметева и многих других.

Если мемуаров, относящихся к первой половине XIX века, было оставлено сравнительно немного, то во второй половине XIX – начале XX века количество дошедших до нас воспоминаний выросло многократно. Впоследствии, в советское время, по понятным причинам в условиях установившейся тогда цензуры, дополняемой самоограничениями, современники, к сожалению, гораздо менее охотно делились своими впечатлениями и характеристиками эпох, событий и людей. Откровения, легко имеющие шанс сделаться политически некорректными в те годы (как, впрочем, отчасти и в наше время тоже), повлияли на ограниченность источников информации, которые оказались доступными исследователям.

За исключением министров финансов СССР А. Г. Зверева и В. С. Павлова, другие его коллеги советского периода не оставили воспоминаний. По этой причине составить и изложить свои представления об их судьбах, характерах, образе поведения оказалось труднее, чем о министрах финансов досоветского периода, оказавшихся куда более откровенными.

Первым министром, оставившим обширные мемуары о своей деятельности, был С. Ю. Витте. Его воспоминания, хотя они многими воспринимаются неоднозначно, характеризуются как тенденциозные, не вполне достоверные (а некоторыми как позорные) и т. п., тем не менее оставляют богатый фактический материал, который можно критически переосмысливать. Впоследствии вслед за Сергеем Юльевичем мемуары были написаны В. Н. Коковцовым, П. Л. Бар-

ком, М. В. Бернацким, П. А. Бурышкиным. В постсоветское время наиболее подробные сведения о своей деятельности мемуарного характера оставили Е. Т. Гайдар и Б. Г. Фёдоров.

Много ценной информации о деятельности министров и работе Министерства финансов в советское время содержится в подготовленных с участием Н. И. Кротова биографиях исполняющих обязанности министров В. А. Раевского и В. В. Деменцева.

Судьбы и деятельность большинства руководителей финансовых ведомств достаточно подробно изучены и освещены. Несколько министров финансов стали героями литературных произведений (Е. Ф. Канкрин, И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте, Е. Т. Гайдар) и даже анекдотов (А. Г. Зверев). Человек, похожий на Е. Ф. Канкрин, ярко и образно описан в интересной «буколической повести на исторической канве» Н. С. Лескова «Совместители». И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте стали героями книги И. Н. Бродского «Наши министры», где были выведены под именами Ивана Николаевича Нижнеградского и Степана Юрьевича Теви. М. И. Терещенко стал персонажем романа А. М. Пятигорского «Вспомнишь странного человека». Нарком финансов СССР Н. П. Брюханов упоминается в пьесе В. В. Маяковского «Баня».

До нас дошли образы и (или) фотографии всех министров. Портреты нескольких руководителей финансового ведомства были выполнены кистью известных художников: В. Л. Боровиковского (А. И. Васильев), Н. Н. Ге (М. Х. Рейтерн), И. А. Тюрина (Н. Х. Бунге), И. Е. Репина (С. Ю. Витте) и др.

Значительное число источников, позволяющих составить представления о характерах, жизни и деятельности министров финансов, уже не по одному разу задействовано в публикациях. Тем не менее ещё остаётся много пластов информации, которые пока не затрагивались и благодаря которым есть возможность взглянуть на личности главных финансистов страны под разными, не всегда традиционно укоренившимися углами зрения.

Специально ради получения новых фактов для настоящего издания были взяты интервью у нынешнего министра финансов А. Г. Силуанова и бывших министров А. Б. Чубайса, А. Л. Кудрина, В. Г. Панкова. Также были проинтервьюированы многие современники, знавшие лично первых лиц финансового ведомства советского и постсоветского периода. В частности, много интересного рассказал работающий несколько десятков лет главным редактором журналов «Финансы СССР» и «Финансы» Юрий Михайлович Артёмов.

Для удобства чтения мы решили не перегружать работу прямыми ссылками на источники непосредственно в тексте и ограничились перечислением огромного числа использованных библиографических источников в конце издания. Те, кому интересно, при желании всегда смогут найти публикации, послужившие источником цитат и некоторых заимствований.

Финансовые отношения в течение многих веков играют важную роль в судьбах стран и цивилизаций. С течением времени эта роль только возрастает. В полной мере сказанное относится и к нашей стране. В своё время министр финансов Гурьев справедливо заметил, что «финансы суть основа жизни государства». Вот почему в истории России традиционно большую роль играли лица, обеспечивающие стратегическое управление денежными отношениями.

Фигура главного финансиста страны возникла на историческом горизонте не сразу и не случайно. Системе отечественного государственного управления пришлось пройти долгий, сложный путь, прежде чем была учреждена должность министра финансов и появились те, кто по разным обстоятельствам удостоились её занять.

Долгое время на Руси управление державой осуществлялось с помощью особых органов управления, именуемых приказами. К моменту прихода к власти Петра I их насчитывалось более 70. Решением различных вопросов финансового характера занимались 13 приказов, то есть примерно пятая часть государственного аппарата. В таких условиях ещё не были созданы предпосылки для появления главного чиновника, способного сконцентрировать в своих руках все нити управления общественными финансами.

Реформы Петра положили начало процессу сосредоточения финансового управления в относительно небольшом числе управленческих структур. Когда приказы были упразднены и на замену им пришли административные образования нового типа – коллегии, ведение финансовыми вопросами сконцентрировалось в трёх из них: Камер-коллегии (она должна была обеспечивать сбор доходов), Штатс-контор-коллегии (эта структура отвечала за государственные расходы) и Ревизион-коллегии, осуществлявшей контрольные функции.

Со временем три упомянутые управленческие структуры были преобразованы в экспедиции при Сенате, к которым позднее добавилась четвёртая экспедиция, созданная для организации работы в области государственных заимствований.

Уже к моменту восхождения на престол Петра III функции управления государственными финансами (и соответствующими экспедициями, подразделениями Сената) перешли в руки главного чиновника страны – генерал-прокурора, совмещавшего роль министра финансов, министра внутренних дел и генерального прокурора (в дополнение к руководству органом политического сыска – Тайной экспедиции). Осуществляя от имени верховной власти руководство ключевыми отраслями общественной жизни и контроль за деятельностью Сената, генерал-прокурор сосредоточил в своих руках огромную власть в разных сферах, в том числе в финансовой.

Далеко не все чиновники, получающие даже малую часть столь необъятных полномочий, способны оправдывать оказываемое им доверие, удерживаясь от соблазнов злоупотребления своим положением. Есть основания полагать, что назначенный при Петре III генерал-прокурор Александр Иванович Глебов вскоре после воцарения Екатерины II был смещён главным образом в связи с утратой доверия и попытками обогатиться за счёт казны. Назначенный ему на смену в 1764 году новый генерал-прокурор Александр Андреевич Вяземский прослужил в этой должности 28 лет, почти до самой своей кончины. Многие годы он являлся главным финансистом страны, хотя его роль и аппаратный вес были гораздо более значимыми, чем у любого из когда-либо существовавших в отечественной истории министров финансов.

Екатерина II, по-видимому, осознавала, что функциональные обязанности генерал-прокурора весьма широки и что для более эффективного управления государственными финансами рано или поздно может понадобиться отдельный чиновник, концентрирующий на решении денежных вопросов, не распыляющий своё внимание на прочие дела. В её царствование обсуждались планы выделения из ведения генерал-прокурора и передачи отдельному лицу функций государственного казначея, который должен был получить самостоятельный прямой выход на правящего монарха. Однако до решения этого вопроса у императрицы руки так и не дошли, и генерал-прокурор Вяземский, опытный и расторопный царедворец, умевший довольно ловко и изобретательно удовлетворять запросы государыни в деньгах, сумел на почти три десятилетия сохранить за собой монопольное право управления всеми государственными финансами в дополнение к другим немалым полномочиям, которыми она его наделила. В одиночку руководить финансами Александр Андреевич вряд ли мог, поэтому очевидно, что он пользовался поддержкой своих ближайших помощников и подвижников. В их числе заметную роль играл Алексей Иванович Васильев, служивший сначала секретарём у генерал-прокурора, а потом на различных должностях в Сенате.

Молодой, трудолюбивый, перспективный чиновник, сочетавшись браком с родственницей жены князя Вяземского, сумел породниться с генерал-прокурором и вошёл в узкий круг особо доверенных лиц, которым тот покровительствовал. Рано или поздно у А. И. Васильева должны были появиться амбиции и перспективы стать преемником генерал-прокурора или хотя бы государственным казначеем. В период длительных тяжёлых болезней своего патрона он успешно замещал его и часто напрямую общался с императрицей по финансовым и иным вопросам, что вполне могло создать необходимые предпосылки для подобного развития его карьеры. Однако в эпоху правления Екатерины II звезде Алексея Ивановича Васильева не было

суждено взойти высоко. Когда здоровье князя Вяземского окончательно расстроилось, в 1792 году ему на смену пришёл не Васильев, близкий к нему человек, готовый преемник, хорошо разбиравшийся в финансовых делах, а не сильно компетентный в соответствующих вопросах племянник князя Потёмкина генерал Александр Николаевич Самойлов. Подобные вещи в нашей истории случаются часто. С чем связано вышеупомянутое решение государыни, мы можем только догадываться. Екатерина II могла руководствоваться многими соображениями и эмоциями, например отрицательно относиться к тому, что Алексей Иванович Васильев был масоном. Так или иначе, протеже князя Вяземского на какое-то время был отодвинут на второстепенную должность директора медицинской коллегии, и только с воцарением в ноябре 1796 года нового императора – Павла I – фортуна снова повернулась лицом к Алексею Ивановичу.

Как милость по поводу коронации ему был неожиданно пожалован титул барона, и вскоре состоялось назначение государственным казначеем. Эта должность была выведена из-под ведения генерал-прокурора и, хотя она не позволяла её обладателю сосредоточить в своих руках всю полноту финансовой власти, а подразумевала получение лишь части соответствующих полномочий, тем не менее была важной промежуточной ступенькой на пути к образованию единого мощного ведомства, объединяющего все главные отрасли государственных финансов.

Государственному казначею, в ведении которого находилось отдельное ведомство (казначейство), вменялось в обязанности отвечать за составление сводной отчётности по государственным доходам и расходам, организовывать государственное счетоводство и осуществлять финансовый контроль, что было уже немало.

Очевидно, планируя дальнейшее реформирование управления государством и финансами в соответствии с тогдашними передовыми европейскими практиками, Павел I в 1800 году решился на учреждение в дополнение к должности государственного казначея поста финанц-министра. Указом императора на этот пост был назначен Гаврила Романович Державин, известный многим благодаря стихотворной фразе Александра Сергеевича Пушкина как старик-поэт, заметивший и «в гроб сходя» благословивший его поколение. На самом деле, помимо поэтических дарований, Г. Р. Державин был весьма разносторонней и многогранной личностью.

Перспектива взять на себя некоторую часть функций по управлению финансами в условиях, когда другая часть должна была остаться в руках имевшего более длительный аппаратный стаж и опыт давнего приятеля и в то же время соперника (А. И. Васильева), вероятно, озадачила Гаврилу Романовича. Согласно его мемуарам, узнав о появлении указа о своём назначении на должность министра финансов, он обратился за разъяснениями к тогдашнему генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину, не забыв поведать тому, что в европейских странах позиция министра финансов имеет гораздо больший вес, чем должность государственного казначея, и что при сохранении последнего поста за бароном Васильевым Державину будет непросто осуществлять общее руководство финансами государства.

Что ещё сказал Г. Р. Державин князю Куракину, мы не знаем. Об этом можно только догадываться. Однако, по-видимому, тем, о чём он написал в своих мемуарах, дело явно не ограничилось, так как вскоре после этого разговора и, очевидно, как его следствие состоялась отставка А. И. Васильева. Хотя Г. Р. Державин в своих мемуарах главным инициатором смещения своего бывшего товарища¹ пытается представить графа Кутайсова, возможно, действительно имевшего какие-то претензии к государственному казначею, вполне логично предположить, что и сам поэт внёс свою лепту в соответствующее кадровое решение.

Так или иначе, А. И. Васильев, благодаря стараниям недоброжелателей, которые смогли настроить против него вспыльчивого и импульсивного государя-императора Павла I, мгно-

¹ Товарищ министра – государственная должность в Российской империи, равная по полномочиям заместителю министра или председателя. – *Прим. ред.*

венно лишился всех своих постов и получил предписание представить в Государственный совет подробный отчёт о своей деятельности. По результатам рассмотрения этого отчёта в отношении Алексея Ивановича вполне могли последовать дополнительные организационные выводы и решения.

Однако, уволив барона Васильева со всех должностей, Павел I в силу каких-то нам не вполне понятных обстоятельств неожиданно передумал менять систему управления финансами, отказался от планов введения должности министра финансов, предназначавшейся Г. Р. Державину. Вместо этого 23 ноября 1800 года он был назначен на освободившееся место государственного казначея. В этой должности Гаврила Романович проработал совсем недолго – чуть более трёх месяцев. Потом колесо судьбы вновь сделало крутой поворот, но уже в обратном направлении.

В марте 1801 года Павел I был убит в результате дворцового переворота и на престол взошёл его сын Александр I. Новый император пожаловал Алексею Ивановичу Васильеву графское достоинство и вернул его на должность государственного казначея, освободив от неё Г. Р. Державина, которого сделал сенатором. На этом история не закончилась.

В сентябре 1802 года Александр I решился учредить восемь министерств, в том числе впервые в отечественной истории создать Министерство финансов как единый орган управления всеми государственными доходами и расходами. И опять, как его отец, он почему-то решил предложить пост министра финансов Г. Р. Державину, переместив при этом А. И. Васильева на должность министра юстиции. Когда намерения императора были доведены до сведения графа Васильева, тот, согласно воспоминаниям современников, высказал пожелание занять пост министра финансов. В итоге к его пожеланиям прислушались, и теперь уже стараниями Алексея Ивановича Г. Р. Державин, дважды номинировавшийся на роль главного финансиста страны, снова лишился такой возможности и был отправлен (ненадолго) руководить Министерством юстиции. Так что учреждение Министерства финансов и появление первого министра не обошлись без приключений и известных интриг вокруг этого назначения.

В рамках министерской реформы Государственное казначейство сохранялось как ведомство, выполняющее свои функции под патронажем Министерства финансов. На должность государственного казначея А.И. Васильев сумел назначить своего племянника (сына старшей сестры) Фёдора Александровича Голубцова, который спустя пять лет после кончины Алексея Ивановича сменил его на посту министра.

Впоследствии (в 1821 году) Казначейство утратило свой статус самостоятельного учреждения и вошло в структуру Министерства финансов наряду с системой органов Государственного контроля. В результате главное финансовое ведомство страны значительно усилило свои позиции и стало самым крупным и наиболее значимым государственным учреждением как по функциям, так и по численности служащих. Достаточно сказать, что по линии Министерства финансов в первой половине XIX века расходовалось около 80 процентов гражданских ассигнований государственного бюджета.

Помимо министерства, некоторые финансовые вопросы прорабатывались и решались в отдельных коллегиальных органах, например в рамках комитета финансов. На рассмотрение комитета, высшего совещательного органа, состав которого определялся по высочайшему повелению императора с обязательным включением председателя Совета министров, министра финансов и государственного контролёра, выносились ключевые вопросы финансовой сферы. Кроме того, при министре финансов действовал специальный совет для рассмотрения дел, «требующих общего соображения», то есть совместного обсуждения, в который входили товарищи (заместители) министра и директора департаментов.

В своей деятельности министры финансов опирались на поддержку Учёного комитета, состоящего из пяти – восьми членов. В его функции входило: участие в рассмотрении различных предложений, планов и проектов, изучение опыта и практики организации финансов в

зарубежных странах; сбор, обработка и распространение по финансовой системе и органам государственного управления важной информации. Учёный комитет готовил свои заключения и соображения по многим важным вопросам государственного и финансового управления для министра финансов, комитета финансов, Государственного совета и других органов власти.

В дореволюционной России пика своего могущества Министерство финансов достигло в период управления им С. Ю. Витте. Военный министр А. Н. Куропаткин следующим образом характеризовал возможности и потенциал финансового ведомства: «Наши финансовые дела сложились так, что министр финансов оказался не только собирателем денежных средств, но и их главным расходчиком. Министр финансов образовал в своём министерстве отделы других министерств... он проектировал, строил и управлял... организовывал и командовал двумя корпусами войск... самостоятельно принимал, даже без сношения с военным министром, тип артиллерии для войск. По морскому ведомству ведал торговым флотом в Тихом океане. По ведомству народного просвещения он основал высшие технические заведения. По ведомствам внутренних дел и земледелия он строил города, посёлки, решал вопросы землеустройства и землепользования. По ведомству иностранных дел вёл переговоры и заключал договоры, имел своих коммерческих и одновременно дипломатических агентов в разных пунктах».

Роль финансового ведомства как главного министерства страны сохранилась и в последующие периоды. В ранние годы советской власти полномочия Народного комиссариата финансов по ряду ключевых вопросов были даже шире, чем Высшего совета народного хозяйства. В дальнейшем главенствующая роль в определении планов и направлений социально-экономического развития страны перешла к Государственному плановому комитету СССР (Госплану), что несколько уменьшило роль Министерства финансов в системе органов финансово-экономического управления, но не смогло совсем лишить его существенного влияния.

К моменту выхода в свет этой книги в нашей стране должности министров финансов (или аналогичные им позиции главных финансистов) занимали 53 человека. Имена одних из них хорошо известны, как говорится, «на слуху». Личности, характеры, деятельность других не столь хорошо знакомы не только обычным читателям, но и специалистам в финансовых вопросах. Среди людей, побывавших в должностях первых финансистов страны, много лиц, волею судьбы оказавшихся в этой роли совсем случайно, порой мимолётно, не оставивших яркого следа в истории отечественной финансовой системы.

В то же время многие лица вполне ожидаемо, закономерно дослужились до назначения на должности министров, сумев при этом оставить заметный след в истории отечественной финансовой системы. Среди них можно выделить таких видных профессионалов, как Е. Ф. Канкрин, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, Г. Я. Сокольников, А. Г. Зверев, В. Ф. Гарбузов, В. С. Павлов, А. Л. Кудрин, А. Г. Силуанов.

Министрами побывали многие интересные, яркие, колоритные личности, такие как, например, Д. А. Гурьев, С. А. Грейг, И. И. Скворцов-Степанов, В. Р. Менжинский, Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс и др.

До настоящего времени пока среди руководителей Министерства финансов не было ни одной женщины (в этом контексте можно упомянуть лишь В. Н. Яковлеву, которая занимала должность наркома финансов РСФСР, но поскольку она подчинялась союзному наркому, то ей, как и другим руководителям республиканского уровня, в книге не уделено внимания).

Среднестатистический возраст, в котором происходило назначение на должность министра (по всей выборке из 53 человек с 1802 года), составляет 44 года. Средний возраст дожития министра, по подсчётам, оказался равен 63 годам. В самом пожилом возрасте министрами становились в императорской России Ф. П. Вронченко (66 лет) и А. М. Княжевич (65 лет). В самые ранние годы свои должности получили в 1917 году члены Временного правительства И. А. Михайлов (27 лет) и М. И. Терещенко (31 год).

В среднем на должности министры находились 4,5 года. Двум финансистам (В. Н. Коковцову и А. Г. Звереву) удалось повторно после своих отставок вернуться на ранее занимаемые ими посты. Дольше всех в занимаемой должности прослужили В. Ф. Гарбузов (25 лет 6 месяцев), А. Г. Зверев (21 год 8 месяцев), Е. Ф. Канкрин (21 год).

В то же время А. Г. Хрущов пробыл министром всего две недели. От одного до двух месяцев руководили министерством в смутное время Н. В. Некрасов, М. В. Бернацкий, А. И. Шингарёв, М. И. Терещенко.

И. И. Скворцов-Степанов отличился тем, что, будучи назначенным народным комиссаром финансов, отказался вступать в должность и побывал главным финансистом страны только номинально, хотя уровню его общей эрудиции, экономического образования и кругозора могли бы позавидовать многие из тех, кто, недолго думая, спешил принять предложение занять главное кресло на финансовом олимпе.

По характеру, образу жизни и деятельности среди министров финансов можно встретить людей различного склада. Одни «вписывались в образ» финансиста в его традиционном понимании, будучи на деле специалистами высочайшего уровня, эрудированными, интеллектуальными, прекрасно образованными, хорошо воспитанными, организованными, скромными в быту, порой даже аскетичными людьми. К числу министров такого типа, безусловно, можно отнести, например, Е. Ф. Канкрин, М. Х. Рейтерна, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского, В. Н. Коковцова, Г. Я. Сокольникова, А. Г. Зверева.

Иные лица, побывавшие в должности министров, запомнились в большей степени не столько своей профессиональной деятельностью, сколько другими сторонами жизни, которой «ничто человеческое не было чуждо». В числе таких деятелей можно упомянуть, пожалуй, Д. А. Гурьева, С. А. Грейга, И. Э. Гуковского.

Среди героев книги встречается много людей, проявивших свои таланты за рамками одной финансовой сферы. Например, Д. А. Гурьев запомнился многим не столько своей деятельностью на посту министра, сколько по имени знаменитой гурьевской каши, к появлению которой он был причастен (С. Ю. Витте не удалось повторить опыт Дмитрия Александровича и оставить после себя пирожки, приготовленные по его рецепту). По проектам Е. Ф. Канкрин, увлекавшегося архитектурой, в Санкт-Петербурге были построены сооружения и парки, сохранившиеся до наших дней. Егор Францевич также сочинял литературные произведения и хорошо играл на скрипке. Страстью к литературе и сочинительству запомнился А. М. Княжевич. Профессор И. А. Вышнеградский, по-видимому, любивший математику и физику примерно так же, как деньги, оставил след в истории достижениями в области механики. Кроме того, он запомнился как выдающийся делец-предприниматель, добившийся (правдами и неправдами) уникальных результатов в сколачивании личных состояний. С. А. Грейг, помимо балета и балерин, серьёзно увлекался садоводством – в честь него был назван сорт тюльпанов. В. Р. Менжинский запомнился тем, что создавал советскую разведку, был полиглотом, сочинял литературные опусы, писал картины. Советский министр А. Г. Зверев играл на фортепиано и гармонии, особенное внимание уделял чтению и охоте. Его коллега В. Ф. Гарбузов запомнился современникам как заядлый театрал, а А. Г. Силуанов известен своим пристрастием к мотоциклам.

Знакомство с историческим материалом оставляет ощущение того, что значение должности и личности министра финансов далеко не всегда и всеми (включая первых лиц государства) оценивалось по достоинству. Для многих позиция руководителя финансового ведомства виделась и видится до сих пор скорее как «техническая», а не «политическая» в силу ощущения того, что министры являются простыми исполнителями (оформителями) воли главных руководителей страны, обладающих всей полнотой власти и реально принимающих основные стратегические решения. Хотя подобные взгляды небезосновательны, думается, что они справедливы по отношению далеко не ко всем историческим эпохам и личностям. Несмотря на

кажущуюся «техничность» позиции министра финансов в определённые исторические периоды, с её вершин многие деятели оказывали огромное влияние не только на социально-экономическое развитие нашей страны, но и на глобальный ход мировых политических процессов. Авторы настоящего издания не ставили своей целью специально акцентировать внимание на такого рода вопросах, но знакомство даже с краткими изложениями биографий руководителей финансовых ведомств во многих случаях наводит на мысли о том, что реальные роли, которые играли многие министры финансов в судьбах нашей страны, оказывались гораздо более серьёзными, чем они представлялись современникам и видятся многим даже с позиции наших дней. То, что на протяжении истории происходило с нашей страной, – во многом следствие как заслуг, так и просчётов, упущений, злоупотреблений (вины, а иногда и явных антигосударственных преступлений) главных финансистов страны.

Подавляющее большинство руководителей нашего государства (за редкими исключениями), к большому сожалению, не имели не только фундаментального экономического образования, но и даже элементарной общей экономической подготовки, весьма полезной и желательной для успешного и максимально полезного для общества их пребывания в должности. В этих условиях многие министры финансов реально были инициаторами ряда важных, а порой судьбоносных решений, формально принимавшихся первыми лицами страны, но реально продвигаемых ими или теми кругами, с которыми были связаны главные финансисты. В ряде случаев не покидает ощущение того, что отдельные министры работали не только (а порой и не столько) на благо государства, которому служили, сколько в первую очередь в интересах определённых кланов, группировок и лиц, с которыми они были связаны, и, разумеется, также в своих личных интересах, подчас далеко не бескорыстных. В результате даже страшно представить, сколько возможностей было упущено нашей страной, какой колоссальный экономический ущерб ей был нанесён, сколько раз и на какие суммы она была ловко и цинично ограблена, каких хороших альтернатив лишилась и к каким порой ужасным сценариям вольно или невольно толкалась главными финансистами и тем, кто им помогал или реально ими руководил извне.

Должность министра финансов в отдельные времена могла обеспечить сказочные возможности для личного обогащения. Многие министры императорского периода (например, Е. Ф. Канкрин, Н. Х. Бунге, В. Н. Коковцов), согласно воспоминаниям современников, обладали высокими нравственными началами и внутренними самоограничениями и, как представляется, сумели воздержаться от соблазнов использования служебного положения в личных целях. Сложившаяся в СССР система управления делала масштабные злоупотребления не только опасными, но и просто немыслимыми. Поэтому о министрах советского периода в смысле их подверженности коррупции нельзя сказать ничего плохого.

В то же время далеко не все главные финансисты страны были святыми, и им хватало сил удерживаться от того, чтобы втайне не путать свой карман с государственным. Однако тайное рано или поздно становится явным. Многие нежелательные для людей подробности часто всплывают наружу, нанося их репутации (иногда посмертно) ущерб. Яркие примеры злоупотребления должностным положением в целях личного обогащения оставили в истории такие деятели, как А. А. Абаза, С. А. Грейг, И. А. Вышнеградский, И. Э. Гуковский и др.

Неблаговидные поступки, совершаемые главными финансистами, часто вызывали законное негодование назначивших их руководителей государства. Например, Александр II сильно возмущался убытками, нанесёнными казне семьёй Штиглицев, состоящей в родстве с С. А. Грейгом, который, очевидно, оказывал поддержку тем кланам, с которыми он был тесно связан родственными и деловыми узами. Когда Александр III узнал, что после смерти И. А. Вышнеградского его сын пытался получить принадлежавшие отцу 25 миллионов, укрытые в английском банке, то начертал на бумаге по этому вопросу краткую резолюцию: «великий мошенник» и велел навести справки, не окажутся ли ещё и в других банках такие деньги.

О теневых аспектах деятельности многих министров можно догадываться по косвенным обстоятельствам и свидетельствам очевидцев (иногда вызывающим доверие, иногда – не очень), немало интересного наверняка ещё доведётся узнать в будущем.

Что нужно, чтобы стать министром финансов? Какие качества и стечения обстоятельств требуются, чтобы удержаться на занимаемом посту, который Е. Ф. Канкрин называл «огненным стулом», длительный срок? Как оставить о себе добрую память и не испортить репутацию перед лицом истории? – вот некоторые из тех вопросов, ответы на которые может помочь получить знакомство с этой книгой. При её написании делалась попытка максимально объективно, всесторонне и сбалансированно, под разными углами зрения взглянуть на личности и результаты деятельности героев изложения. Понятное дело, что многие расставленные в публикации акценты, высказанные оценки, выводы, взгляды и суждения отнюдь не бесспорны и далеко не все читатели их смогут безоговорочно принять.

Тем не менее иногда свежий и (или) нетрадиционный взгляд на ту или иную историческую личность, эпоху, а также на те или иные события может дать ценную пищу для новых размышлений, открытий, суждений и взглядов, обогащая наше видение прошлого и возможности прогнозирования будущего. Вот почему в книге сознательно делается упор на представление различных, порой диаметрально противоположных мнений, с тем чтобы дать читателям возможность самим выработать и (или) уточнить собственные взгляды на разные исторические фигуры, реальные движущие силы многих важных процессов и событий, случившихся в нашем прошлом и до сих пор сказывающихся на нашем настоящем и будущем. Книга является попыткой прочтения биографий министров финансов через призму менеджмента и истории России, она в каком-то смысле представляет собой краткое изложение истории отечественных финансов в человеческом измерении.

Бытует расхожее мнение о том, что должность министра финансов носит технический характер. С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Несмотря на то что руководители финансового ведомства во все времена были исполнителями воли первых лиц государства, их было бы наивно считать только техническими специалистами. Человек, оказавшийся в должности министра финансов и какое-то время проработавший на ней, волей-неволей, даже независимо от того, что он сам об этом думает, превращается в политическую фигуру. За министерское кресло постоянно ведётся борьба, порой невидимая, но реальная, часто изощрённая. Для того чтобы быть достойным занять и удерживать кресло главного финансиста страны в различных, порой драматических ситуациях, нужны, по выражению Сталина, «бычьи нервы» (бойцовские качества).

Одного желания быть хорошим специалистом и приятным для всех человеком для успешной деятельности в должности министра недостаточно. Наверное, не будет сильной ошибкой утверждение о том, что на пять десятков известных нам министров за всю историю можно насчитать несколько сотен персонажей, претендовавших на то, чтобы занять соответствующее место. Многие из них были весьма достойными, в чём-то более выигрышными кандидатами, обладали мощными связями, ресурсами, возможностями, потенциалами, делали многое и много чем готовы были пожертвовать для того, чтобы сделаться главными финансистами, но по тем или иным причинам не смогли преуспеть в реализации своих амбиций.

В то же время в кресло министра финансов провидение заносило много явно случайных людей. Например, конногвардеец и моряк С. А. Грейг, будучи человеком без какого-либо экономического образования, о невероятных вещах любил говорить: «Это было бы так же странно, как если бы меня назначили министром финансов». И действительно, когда его выдвинули в министры, это вызывало изумление у очень многих. Даже император Александр II, назначивший С. А. Грейга, как-то сказал ему: «До сих пор я считал, что я тот человек, который меньше, чем кто-либо в России, понимает в финансах. Теперь вижу, что ошибался: этот человек – ты».

Впрочем, С. А. Грейг, скорее, был исключением из правила. Большинство министров в той или иной степени обладали необходимыми компетенциями и познаниями, а многие просто были выдающимися учёными и специалистами, авторами многочисленных научных трудов (как Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и др.). Большое количество работ, составивших 15 томов сочинений, принадлежит Е.Т. Гайдару.

Изучение биографий министров показало, что во время перемен (в истории нашей страны – это начало и конец XX века) смена руководителей финансового ведомства происходит часто, спонтанно, вынося в кресло первого лица много случайных, не вполне компетентных в соответствующих вопросах политических назначенцев, Впрочем, именно по этой причине не сильно задерживающихся и уступающих дорогу следующим за ними выдвиженцам. В эпоху стабильности на должности министров обычно оседают на долгий срок относительно аполитичные профессионалы, знающие своё дело и умело лавирующие в водовороте событий.

Путь в министры финансов, как и на другие руководящие позиции, как правило, тернист. Для продвижения на роль первого лица в главном финансовом ведомстве страны часто критически важной оказывается поддержка влиятельных людей, доверие первых лиц государства. Однако, когда в силу тех или иных причин обстоятельства меняются, уходят те, кто оказывал протекцию при назначении или инициировал его, сохранять свои позиции министру может быть очень непросто. Например, после смерти А. И. Васильева его племянник Ф. А. Голубцов, лишившись покровительства влиятельного дяди, недолго оставался министром. Его слабость и отсутствие гибкости позволили М. М. Сперанскому, бывшему тогда в фаворе у Александра I, обеспечить назначение главным финансистом Д. А. Гурьева. После отставки М. М. Сперанского его протее пришлось очень непросто, и он в конце концов был вынужден покинуть свой пост, хотя и сумел каким-то образом продержаться на нём ещё несколько лет. Брату Александра II великому князю Константину Николаевичу, находившемуся в центре либеральных реформаторов, были обязаны своей карьерой такие министры финансов, как М. Х. Рейтерн, С. А. Грейг, А. А. Абаза. Пользовавшемуся большим влиянием при Александре II М. Т. Лорис-Меликову в значительной степени обязан своим назначением профессор Н. Х. Бунге, который после смены власти и ухода продвинувшего его человека относительно недолго смог удержаться в своей должности. Весьма влиятельный и авторитетный «серый кардинал» Д. М. Сольский (который сам рассматривался в качестве возможного министра финансов) способствовал назначению министром финансов С. Ю. Витте.

Часто смена первого лица государства сопровождалась у нас заменой министров. Так, А. А. Абаза потерял должность министра финансов практически сразу после гибели императора Александра II и прихода к власти его сына Александра III. В то же время такому крупному аполитичному профессионалу, каким был, например, Е. Ф. Канкрин, удалось много лет успешно продержаться на своём посту после ухода Александра I. Николай I не стал менять министра, даже несмотря на то что последний состоял в родстве с одним из участников декабрьского восстания 1825 года, а также поспешил выпустить пробный рубль с профилем Константина, представленного на монете в качестве императора, что в известной ситуации междоусобицы могло показаться подозрительным поступком. За 30 лет своего правления Николай I назначил всего двух министров финансов – Е. Ф. Канкрин он заменил на Ф. П. Вронченко в связи с ухудшившимся здоровьем Егора Францевича (и также отчасти из желания самому усилить своё влияние на финансы), а Ф. П. Вронченко был сменён П. Ф. Броком только вследствие смертельной болезни.

В то же время внук Николая I, Александр III, сразу после вступления на престол заменил министра финансов Александра Агеевича Абазу профессором Николаем Христиановичем Бунге, к которому новый император благоволил и кому безгранично доверял. К слову сказать, многие кадровые решения первых лиц государства предопределялись в том числе благодаря информации о нравственных, профессиональных и личных качествах министров и их пове-

дении, предоставляемой императору. Егор Францевич Канкрин, по всей видимости, не давал поводов заподозрить его в непрофессионализме и злоупотреблениях, в то время как к личности и некоторым поступкам Александра Агеевича Абазы, судя по воспоминаниям современников, возникали определённые вопросы.

Изучение материалов о жизни и деятельности руководителей главных финансовых ведомств страны позволяет лучше понять особенности устройства и специфику функционирования финансовой и кредитной систем на разных этапах исторического пути нашей страны и не только. Анализ жизненного пути ярких, неординарных и интересных персонажей, которым посвящена книга, даёт богатую пищу для размышления о том, какие особенности характера и поведения могут оказаться полезными для успешной самореализации в такой непростой области, как государственные финансы, каких типичных ошибок и просчётов стоит избегать. Опыт чужих успехов и неудач при правильном его осмыслении и критическом восприятии порой может оказаться бесценным руководством к собственным практическим действиям.

Многие главные финансисты страны являются поистине выдающимися государственными деятелями, положившими многое на алтарь служения Отечеству. Такие люди заслуживают доброй памяти. Вместе с тем мы не должны забывать и тех, кто действовал, руководствуясь какими-то иными интересами и соображениями, далёкими от общественного блага. Историческая память необходима нам для того, чтобы на основе прошлого опыта добиваться новых успехов и избегать повторения трудных моментов и ошибочных кадровых решений, уже не раз случавшихся в нашей истории.

С того момента, как в России появилось самостоятельное главное финансовое ведомство – Министерство финансов, – прошло уже более двух сотен лет. За это время наша страна прошла разные этапы своей истории, пережила периоды взлётов и падений, больших достижений и трагичных катастроф.

Представляется логически правильным выделить в истории главного финансового ведомства страны и его руководства четыре разновеликих по протяжённости и наполненных разным содержанием периода. Первый этап – 115 лет функционирования в рамках Российской империи (1802–1916), далее – несколько месяцев безвременья, переходного периода в эпоху Временного правительства (1917), третий этап – 73 года деятельности в период Советской России и СССР (1918–1991) и, наконец, четвёртый этап – это то, что уже более четверти века происходит с министрами и министерством в нынешнюю эпоху (с 1992 года по настоящее время).

В рамках Российской империи при пяти императорах сменилось 17 министров финансов. В XIX веке министры менялись не столь часто, как впоследствии. На почти сто лет пришлось 13 министров. Ротация участилась при Николае II. При нём министры были сменены пять раз.

Руководителями финансового ведомства в императорский период становились люди самого разного, порой диаметрально противоположного склада, так что выделить в эту эпоху какие-то закономерности назначений не представляется возможным. Среди них были люди разного происхождения: кадровые военные, университетские профессора, дельцы-предприниматели, чиновники широкого профиля, служащие Министерства финансов, сделавшие карьеру с самых низов. Многие главные финансисты достойно справлялись с возложенным на них тяжёлым грузом ответственности, но были и те, кто не оставил яркого следа в истории и (или) долго не задержался на непростом посту. Одни министры смогли проработать очень долгое время (так, Егор Францевич Канкрин прослужил 21 год), а другие пробыли в должности незначительные сроки (например, Иван Павлович Шипов по состоянию здоровья смог быть министром только полгода).

Среди министров встречались как исключительно организованные, трудолюбивые и эффективные руководители, так и те, кто явно недостаточно времени уделял работе и не умел разумно её организовать. Одни руководители государственных финансов обладали глубокими познаниями в экономике и других областях жизни, имели своё видение путей социально-эко-

номического развития страны, умели разрабатывать и реализовывать планы и проекты улучшения ситуации, другие годились только на то, чтобы послушно плыть по течению, вяло и не всегда компетентно реагируя на сложные вызовы времени.

Справедливости ради надо отметить, что разным министрам выпадало работать в существенно различающихся условиях. На период управления государственными финансами одних приходились жестокие войны, социальные потрясения и непростые вызовы в социально-экономической жизни. У других руководителей годы пребывания на постах оказывались относительно спокойными и в меру благодатными.

На судьбах министров сказывались войны, которые часто вела наша страна. Боевые действия всегда связаны с большими расходами и нередко оказывали разрушительное воздействие на состояние государственного бюджета и экономику, да и на карьеру финансовых руководителей. Далеко не всем из них было под силу справляться с напряжениями, вызываемыми военным временем. Например, П. Ф. Брок не лучшим образом показал себя на своём посту в период Крымской войны, после которой был отправлен в отставку. В то же время Д. А. Гурьев, выпускавший в больших объёмах необеспеченные ассигнации в период Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии, каким-то чудом сумел профинансировать военную кампанию в условиях острого денежного дефицита, правда ценой практически полного расстройств государственных финансов.

Среди министров были те, кто были прекрасными командными руководителями, авторитетными лидерами, создававшими собственные команды ближайших соратников из числа сотрудников возглавляемого ими ведомства, и те, кто работал «в одиночку», не стремясь сплотить вокруг себя сильный коллектив единомышленников. Прекрасную команду отчасти сумел сформировать Н. Х. Бунге, замечательный учёный и профессионал, однако в полной мере ему это не удалось из-за того, что он был вынужден покинуть свой пост. Не отличался командным подходом Е. Ф. Канкрин, предпочитая всё концентрировать в своих руках. По свидетельствам современников, он приближал к себе далеко не самых выдающихся людей, а сильных личностей и профессионалов высокого уровня, наоборот, отодвигал, возможно, из опасений конкуренции с их стороны. Успешная денежная реформа, проведённая в период руководства Народным комиссариатом финансов Г. Я. Сокольниковым, стала возможной только благодаря тому, что он сумел привлечь для её реализации сильнейших специалистов старой формации и смог наладить их эффективную командную работу под своим руководством.

Далеко не все министры были талантливыми организаторами, хорошо разбирающимися в людях и способными выдвинуть компетентных, порядочных, лояльных коллег. Многие допускали роковые ошибки в оценке своих подчинённых. Порой эти ошибки дорого им обходились, иногда стоили карьеры. Например, И. А. Вышнеградский, согласившись принять на работу в качестве своего ближайшего соратника С. Ю. Витте, не раз после сокрушался о содеянном. Сергей Юльевич путём свойственных ему интриг довольно ловко сумел подсадить своего благодетеля, отправив того в отставку и заняв его место. Впоследствии сам С. Ю. Витте не раз в крайне негативных тонах высказывался о В. Н. Коковове, которого сам же и приблизил, и даже пытался за рамками видимого приличия шантажировать Николая II в горячем стремлении воспрепятствовать назначению собственного же выдвиженца министром.

Высокое положение часто меняло людей не в лучшую сторону. Некоторые министры отличались высокомерным, скверным характером. По свидетельствам современников, к таким типам руководителей относился, например, Ф. П. Вронченко. Ходили слухи, что он отказался принять престарелого отца-священника, специально приехавшего навестить сына, после чего батюшка скончался. Настолько они достоверны, сказать трудно, но похоже, что действительно, как утверждают многие исследователи, в «Мёртвых душах» Н. В. Гоголя в «Повести о капитане Копейкине» прототипом образа бездушного чиновника послужил именно Фёдор Павлович.

Далеко не все министры были бездушными и высокомерными. Многие финансисты являли собой образцы самых лучших нравственных начал. Например, Н. Х. Бунге отличался простотой, приветливостью, неприхотливостью, скромностью. Отправляясь в Гатчину для доклада императору, до вокзала министр обычно добирался на простом извозчике.

По-разному проходило и назначение кандидатов на должность министра. Известны случаи, когда лица, которым предлагалось возглавить министерский пост, решительно отказывались от высокой должности. Так, например, князь В. П. Кочубей, который должен был заменить второго по счёту министра Ф. А. Голубцова, не согласился принять это назначение, и тогда министром назначили Д. А. Гурьева, товарища (заместителя) отправляемого в отставку первого лица финансового ведомства. Из числа товарищей (заместителей) впоследствии министрами выпало стать Ф. П. Вронченко, П. Ф. Броку, С. А. Грейгу, Н. Х. Бунге, В. Н. Коковцову. Опытный чиновник А. М. Княжевич, много лет прослуживший в министерстве, но так и не удостоившийся быть назначенным товарищем министра, в конце концов тоже сумел взойти на вершину финансового олимпа.

В. Ф. Голубцов и А. А. Абаза стали министрами, перейдя на эту работу с позиций руководителей казначейства (государственных казначеев), близких по своей значимости к должностям товарищей (заместителей министра).

Многие лица, ставшие министрами, вплоть до получения предложения возглавить финансовое ведомство не ожидали подобного развития событий и не стремились к нему. Например, для С. А. Грейга предложение стать министром было такой же неожиданностью, как и для большинства других людей. Назначение Э. Д. Плеске на должность министра финансов взамен С. Ю. Витте стало полной неожиданностью для обоих – они узнали об этом одновременно в день принятия решения от Николая II.

Нередко, особенно в условиях серьёзных экономических и финансовых преобразований, на должности министров назначались лица, не имеющие многолетнего опыта службы в финансовом ведомстве, зато обладающие другими важными качествами и компетенциями. Таким образом министрами стали военный интендант Е. Ф. Канкрин, кадровый чиновник различных ведомств М. Х. Рейтерн, университетский профессор Н. Х. Бунге, профессор-предприниматель И. А. Вышнеградский, железнодорожный руководитель С. Ю. Витте.

Министерство финансов в годы Российской империи отличалось от других ведомств тем, что его руководителями становились лица, не принадлежащие к высшей титулованной аристократии, а выходцы из более простых кругов. Одиннадцать из 17 министров (то есть около двух третей) не были потомственными дворянами. Служба министром для многих была своеобразным, как теперь говорят, «социальным лифтом» в высший свет. Семи из 17 министров было пожаловано графское достоинство. При этом министры раннего периода получали графские титулы гораздо чаще, чем их последователи. Из первых восьми министров графским достоинством были отмечены пять человек (А. И. Васильев, Д. А. Гурьев, Е. Ф. Канкрин, Ф. П. Вронченко, М. Х. Рейтерн) и только трое (Ф. А. Голубцов, П. Ф. Брок и А. М. Княжевич) не удостоились подобной чести. В дальнейшем графские титулы за особые заслуги получили только С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов.

Наличие хорошего образования также способствовало продвижению по карьерной лестнице. Шесть министров (Канкрин, Вронченко, Брок, Бунге, Вышнеградский и Витте) имели университетское образование, причём двое (Бунге и Вышнеградский) долгое время служили университетскими профессорами. Четверо из 11 министров финансов окончили Александровский царскосельский лицей.

Если говорить о руководителях финансового ведомства после 1917 года, то этот пост, как правило (за отдельными исключениями), в первые годы занимали люди, не имеющие глубоких познаний в экономике. В дальнейшем большинство министров имели хорошее специальное финансовое образование.

Что касается современности, то больше всего министров финансов вышли из стен Московского и Санкт-Петербургского университетов. На третьем месте – Финансовый университет при Правительстве РФ (в разные годы университет менял своё название).

В условиях, когда российская правящая элита была довольно космополитичной, 11 из 17 министров не были православными христианами. В пореформенную эпоху русско-православные корни имели только трое: И. А. Вышнеградский, В. Н. Коковцов и И. П. Шипов. Больше половины министров (9 из 17) были потомками обрусевших инославных чиновников, в основном немцев (Е. Ф. Канкрин, А. М. Княжевич, М. Х. Рейтерн, С. А. Грейг, А. А. Абаза, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, Э. Д. Плеске, П. Л. Барк).

Оставление министрами своих постов происходило по разным причинам, которые можно сгруппировать в типичные случаи. Многие финансовые руководители могли бы по состоянию своего здоровья ещё какое-то время проработать в занимаемых должностях, но им пришлось покинуть их явно не по своей воле, очевидно, в силу интриг окружающих (Ф. А. Голубцов, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский). Часть руководителей оставила свой пост по болезни (Е. Ф. Канкрин, А. М. Княжевич, Э. Д. Плеске), карьере третьих оборвала смерть (А. И. Васильев, Ф. П. Вронченко), четвёртые были отправлены в отставку как не справляющиеся с поставленными задачами (Д. А. Гурьев, П. Ф. Брок), пятые покинули свои должности в связи с подозрениями на нечистоплотность (С. А. Грейг, А. А. Абаза), некоторые из-за утраты доверия руководителя страны (С. Ю. Витте). В отдельных случаях отставка могла быть следствием несогласия министра с проводимой в стране политикой (М. Х. Рейтерн).

Людям, которым довелось побывать министром, часто приходилось жертвовать не только своим здоровьем, но и личной жизнью. Особенно это характерно для пореформенной эпохи: М. Х. Рейтерн и Н. Х. Бунге не имели семей. При изучении биографии министров финансов дореволюционной России был выявлен интересный факт: ни один из министров финансов вышеуказанного периода не имел более пяти детей, тогда как среди руководителей иных ведомств немало обладателей многодетных (7–10 детей) семей. У А. А. Абазы и В. Н. Коковцова было по одному ребёнку, что в то время случалось нечасто.

Министерство финансов Российской империи просуществовало до Февральской революции 1917 года. С февраля по октябрь 1917 года сменились пятеро министров финансов Временного правительства. Некоторые из них были далеки от финансовой сферы и оказались на этой должности случайно. Из-за сложной политической и экономической ситуации в переходную эпоху, отсутствия практического опыта в управлении государственными финансами новые назначенцы не смогли проявить себя. В основном их судьбы сложились трагично. Например, министр финансов Временного правительства А. И. Шингарёв был убит в тюремной камере.

После Октябрьской революции был учреждён Народный комиссариат финансов (Наркомат финансов). Название ведомства было изменено, чтобы показать его отличие от царского министерства и подчеркнуть близость к народу. Важную роль в создании Народного комиссариата финансов сыграла Чрезвычайная комиссия (ЧК), так как в первое время проводился захват дореволюционных ведомств, преодолевался саботаж дореволюционного аппарата и т. д.

Описанию работы главного финансового органа страны и личностей его руководителей в советский период посвящено относительно небольшое число исследовательских работ. Отчасти это объясняется известной обстановкой, обычаями и нравами того времени, гораздо более высокой степенью закрытости и непубличности многих аспектов работы финансовых учреждений в то время по сравнению с практикой, принятой в Российской империи.

В первые годы советской власти народными комиссарами становились обычно случайные люди. Например, по воспоминаниям одного из современников, В. Р. Менжинский стал наркомом финансов после того, как Ленин, наткнувшись на него в коридоре Смольного, ухватил за пуговицу и настоял на том, чтобы он немедленно занял пост народного комиссара финансов.

Первые трое советских наркомов (И. И. Скворцов-Степанов, В. Р. Менжинский, И. Э. Гуковский) занимали пост в совокупности 10 месяцев.

При первых наркомах финансовая система страны практически распалась. После революции новая власть попыталась упразднить денежные отношения и предприняла попытку обойтись без таковых в рамках политики военного коммунизма. Идея «упразднения» денег, как показала практика, оказалась утопичной. Несколько лет понадобилось для того, чтобы осознать реалии и хоть как-то воссоздать работающую систему управления государственными финансами.

В 1918 году, когда советское правительство переехало в Москву, Народный комиссариат финансов разместился в бывшем здании Петербургского международного коммерческого банка (построенного в 1910 году по проекту архитектора Адольфа Эрихсона) на улице Ильинка, известной до 1917 года как «улица банков». Это здание было соединено с соседними строениями разного архитектурного стиля и в таком немного нелепом виде существует поныне. Сложные запутанные разноуровневые переходы внутри комплекса министерских строений, в которых непросто сразу сориентироваться непосвящённому человеку, уже 100 лет создают весьма своеобразный колорит, ставший «визитной карточкой» финансового ведомства.

В первые годы советской власти, примерно до 1930-х годов, наркомы финансов в основном были политическими назначенцами, работавшими бок о бок с такими же, как они, не всегда вполне компетентными соратниками, со «старыми специалистами». В 1930-е годы завершается замещение аппарата специалистами, подготовленными в системе советского образования. В то время во многих крупных городах были сформированы финансовые и финансово-экономические институты, а непосредственно в подчинении центрального ведомства находилась широкая сеть финансовых техникумов. Функции, методы и инструментарий работы финансового ведомства менялись в соответствии с задачами, выдвигаемыми руководством страны, где первую роль играл аппарат коммунистической партии. Советская эпоха сформировала министров нового типа. Они были образованны, опытные, профессиональны, благонадежны.

В 1946 году Наркомат финансов был преобразован в Министерство финансов СССР, которое в соответствии с Конституцией относилось к категории министерств союзно-республиканского типа. Это означало, что одноимённые министерства союзных республик были ответственны за составление и исполнение бюджета перед Верховным советом и Советом министров соответствующей республики. Минфин СССР, отвечая за общую организацию и методическое обеспечение всей общегосударственной финансовой работы, составлял бюджет Союза ССР и делал расчёты к бюджетам республик, включаемые в общий консолидированный бюджет – Государственный бюджет СССР, который рассматривался Советом министров СССР и представлялся на утверждение Верховному совету СССР.

Две трети из семи десятилетий, в течение которых просуществовала советская власть, у руля Министерства финансов стояли только два министра – А. Г. Зверев и В. Ф. Гарбузов. Вместе они руководили финансовым ведомством без малого почти пять десятилетий (22 года один и 26 лет – другой). Эти министры пока остаются и, наверное, ещё долго, возможно навсегда, останутся в истории лицами, которых сложно будет понять до конца.

Судьба министров (наркомов) финансов складывалась порой непросто, часто – трагически, особенно в раннее советское время. Пять народных комиссаров финансов попали под маховик репрессий (Н. Н. Крестинский, Г. Я. Сокольников, Н. П. Брюханов, Г. Ф. Гринько, В. Я. Чубарь). При туманных обстоятельствах окончилась жизнь одной из самых зловещих фигур в рассматриваемой книге – И. Э. Гуковского. Показателен пример Н. П. Брюханова, который после отставки с должности наркома финансов был на время забыт, но после того, как попытался напомнить о себе, о нём вспомнили и расстреляли. Показательно, что в тюремном заключении из-за попыток спасти СССР уже в постсоветскую эпоху оказался последний советский

министр финансов В. С. Павлов (в заключение он попал, уже будучи председателем Кабинета министров СССР). Вместе с уходом Г. Ф. Гринько в 1934 году оборвалась традиция помещения подписи финансовых руководителей на банкнотах. Бумажные денежные знаки, на которых присутствовал его автограф, после осуждения наркома стали печататься уже без него. Когда готовился выпуск денежных знаков образца 1947 года, по воспоминаниям В. С. Герашенко, Сталин прагматично высказался в том ключе, что не имеет смысла ставить подпись финансиста на банкнотах с тем, чтобы не менять весь выпуск в случае, если тот окажется врагом народа.

С позиций нашего времени весьма мудрым представляется поступок видного экономиста И. И. Скворцова-Степанова – одного из наиболее уважаемых в советское время деятелей, который, будучи назначенным первым народным комиссаром финансов, сумел отказаться принять это назначение. Возможно, такое решение позволило ему сохранить себе жизнь и окончить свои дни мирно, спокойно, удостоившись как уважаемый большевик почести быть торжественно захороненным у кремлёвской стены.

Для многих министров их должность была не последней. В императорской России многих руководителей министерства по завершении службы назначали на разные новые ответственные должности, в том числе – на должности председателя Совета министров. Следует сказать, что, в отличие от нашего времени, эта должность тогда была достаточно символической, так как реальный аппаратный вес и возможности председателя Совета министров не шли ни в какое сравнение с позицией министра финансов. В советское время после завершения работы в должности министра финансов А. Н. Косыгин стал председателем Совета министров СССР, а В. С. Павлов был назначен премьер-министром СССР (председателем кабинета министров СССР).

В ноябре 1991 года Министерство финансов СССР было ликвидировано, а его структуры переведены в подчинение Министерства экономики и финансов РСФСР. Довольно быстро это ведомство было преобразовано в Министерство финансов Российской Федерации. С тех пор и до настоящего времени должность министра финансов занимали 12 человек, из которых двое (С. К. Дубинин и А. П. Вавилов) были исполняющими обязанности министра. Два руководителя финансового ведомства впоследствии были назначены руководителями Правительства России: Е. Т. Гайдар (он некоторое время проработал исполняющим обязанности премьер-министра) и М. М. Касьянов (премьер-министр). Трое министров финансов совмещали свою деятельность с должностью вице-премьера (А.Б. Чубайс, А.Л. Кудрин, А.Г. Силуанов). Министр финансов А.Я. Лившиц был также заместителем Председателя правительства.

Что касается министров последних десятилетий, то оценивать их деятельность будут наши потомки: время для непредвзятых, свободных от конъюнктурных представлений оценок того, что произошло в нашей стране в 1990–2010-е годы, по-видимому, ещё не настало. Относительно многих личностей и результатов их деятельности до сих пор ведутся дискуссии, в ходе которых часто высказываются весьма острые, порой диаметрально противоположные точки зрения. Вот почему, излагая биографии министров финансов новейшего времени, многие из которых ещё живы и здравствуют, занимая важные посты, мы решили ограничиться изложением той части известных нам фактов, которые являются максимально нейтральными, и постарались уйти от участия в полемических дискуссиях, «приглушив» какие-то собственные частные мнения и ощущения.

Проделав огромный труд, по его завершению, так же как в своё время отметил Б. Г. Фёдоров по итогам выхода своей книги, мы не считаем тему исчерпанной. Ещё не все архивные материалы, свидетельства современников собраны и должным образом проанализированы. Эволюция экономических отношений в современном мире не только формирует новые подходы к государственным финансам, их институтам и инструментам, но и позволяет иначе взглянуть на их прошлое, расставить новые акценты в тех решениях и свершениях деятелей прошлого, которые ранее относили к заблуждениям или, наоборот, озарениям и побе-

дам. История продолжается, продолжается деятельность Министерства финансов России. Возможно, уже сейчас в Финансовом университете при Правительстве РФ или другом нашем вузе, готовящем финансистов, осваивает азы профессии будущий министр финансов России, и его биография дополнит вошедший в историю список государственных деятелей прошлого. Успехов ему в учёбе и трудном пути к вершинам профессии!

*Михаил Юрьевич Алексеев,
доктор экономических наук*

Министры финансов Российской Империи

Васильев Алексей Иванович (1742–1807)

Алексей Иванович Васильев родился в Санкт-Петербурге в семье чиновника. Отец – Иван Васильевич, сенатский секретарь. Дед служил в Адмиралтейств-коллегии при Петре I, который и пожаловал ему дворянский титул.

Как и большинство дворянских детей того времени, Алексей Иванович получил домашнее образование. В 12 лет, оставшись без отца, он поступил в Сенатское юнкерское училище. После окончания курса и сдачи экзамена на знание законов и делопроизводства начал служить протоколистом. Как отмечают исследователи, «на примере документов, написанных рукой Васильева, видно, что он писал полууставом, то есть почерком дьячков и мелких канцелярских служителей начала XVIII века».

Свою карьеру А. И. Васильев начал строить ещё во время правления Елизаветы Петровны с работы в Сенате, где занимался финансовыми вопросами (надзирал за государственными расходами; участвовал в описании прямых налогов, был причастен к созданию казённых палат, в ведении которых находились финансовые вопросы губерний, и др.). Через восемь лет с начала службы в Сенате, в 1762 году, А. И. Васильев получил должность секретаря высшего правительственного чиновника страны. Сначала он состоял при генерал-прокуроре и начальнике сенатской канцелярии А. И. Глебова, а затем при А. А. Вяземском.

В тот период, когда Екатерина II пыталась организовать работу по составлению нового Уложения (Уложенная комиссия), Алексей Иванович работал в комиссии по формированию государственного бюджета и налогообложения, а также готовил свод законов по финансовому праву. После назначения А. И. Васильева в 1770 году обер-секретарём Сената он вошёл в комиссию по составлению общегосударственной окладной книги. Ввиду того что Первый департамент Сената не успевал рассматривать присылаемые туда со всей страны ведомости, в 1773 году была образована Экспедиция о государственных доходах. Алексей Иванович назначается её обер-секретарём и работает над составлением Свода Законов по финансовой части, Государственной Окладной книги и Наставления Казённым палатам. Эти труды, представленные в 1778 году императрице, привлекли её внимание.

Биографы отмечают, что продвижением по службе Васильев прежде всего был обязан природным способностям и трудолюбию. Но не только. Есть мнение, что карьере Алексея Ивановича могли также способствовать его масонские связи. Некоторое время он был казначеем Великой Английской ложи. Также на карьерный рост Васильева повлияла и женитьба на родственнице генерал-прокурора А. А. Вяземского – на знатной, но не блистающей внешними данными княжне В. С. Урусовой. Надо сказать, что Алексей Иванович всегда, даже после смерти А. А. Вяземского, помнил о том, что тот способствовал его карьере. На одном из портретов Васильева кисти художника В. Л. Боровиковского хорошо виден мраморный бюст генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского. Бюст – как напоминание о том, что в продвижении по службе Васильев был многим обязан своему благодетелю.

Покровитель А. И. Васильева генерал-прокурор А. А. Вяземский практически в течение всего правления Екатерины II играл важную роль при дворе. Он фактически был главой пра-

вительства, выполняя функции министров юстиции, внутренних дел, финансов и начальника тайной полиции. Когда в 1789 году А. А. Вяземского поразила паралич, Екатерина II, по словам кабинет-секретаря императрицы А. В. Храповицкого, сказала: «Жаль князя Вяземского, он мой ученик, и сколько я за него выдержала!» А. А. Вяземский был одним из доверенных лиц императрицы, будучи генерал-прокурором Сената, следил за расходованием казённых средств и имел репутацию неподкупного человека.

Однако существуют и другие оценки деятельности этого государственного лица. Так, известный русский поэт, мемуарист В. Ф. Ходасевич в своей книге, посвящённой Г. Р. Державину, служившему у генерал-прокурора, пишет: А.А. Вяземский «рекомендованный государыне ещё Орловыми... умел быть отличным служакой; угождая государыне, не забывал и себя, то есть воровал, но в меру; был неразборчив в средствах и деятелен, потому что завистлив. Он жил на Малой Садовой в собственном доме, где, кстати, помещалась и тайная канцелярия; иногда он лично присутствовал при допросах. Никто его не любил, но все у него бывали: как не бывать у генерал-прокурора?». Другой биограф Державина – С. М. Бриллиант – отмечает, что за А. А. Вяземским «водились крупные грехи». Екатерина знала об этом, но смотрела сквозь пальцы, считая князя незаменимым слугой, а главное, из-за того что у него всегда были наготове деньги «для всех возможных случаев и это ещё при таком ненасытном моте, как я». Так писала императрица Гримму, немецкому публицисту эпохи Просвещения. По уверению Державина, «князь управлял государственным казначейством самовластно, в обход законов, раздавал жалованье и пенсии по своему произволу, без высочайших указов, и утаивал доходы с тем, чтобы выслуживаться пред государыней, как бы вдруг открывши новый источник».

Возможно, такое неудовольствие в адрес князя Державин высказал по личным мотивам. Современники Вяземского обвиняют его в том, что он не любил литераторов и гнал их со службы. «Когда им заниматься делами, когда у них рифмы на уме», – говорил он. Можно предположить и то, что князь возненавидел поэтов благодаря Державину, который обманул доверие своего покровителя и намекал на него в сатирических стихах по поводу барельефа нагой Истины в Сенате. Поэт уверяет, что князь нашёл вид её соблазнительным для Сената и приказал несколько её «прикрыть».

Однако высказывания других современников подтверждают обвинения Державина. Русский публицист, мемуарист С. А. Порошин приводит разговор с графом Н. И. Паниным, который «много удивлялся, как фортуна поставила князя Вяземского столь высоко»; при этом упоминалось о разных случаях, которые могут оправдать такое удивление.

После отставки в 1792 году по состоянию здоровья князя А. А. Вяземского императрица назначила генерал-прокурором и государственным казначеем графа А. Н. Самойлова. Он исполнял эти обязанности вплоть до её смерти. Однако и о нём современники в основном отзывались отрицательно, отмечали его излишнюю гордость и высокое тщеславие. Князь И. М. Долгоруков писал, что он «...глуп, спесив, груб, бестолков, дурён».

Вслед за отставкой А. А. Вяземского в 1793 году от ведения финансовых дел был удалён и А. И. Васильев. Ему поручили руководить Медицинской коллегией. Возможно, такое решение было обосновано его связью с масонами, которым императрица не доверяла, а возможно, свою роль сыграло увольнение со службы покровителя.

В 1796 году после восшествия на престол Павла I Алексей Иванович был назначен государственным казначеем России. Он занимался поступлением и распределением налогов, работал над проектом по перечеку медной монеты для увеличения курса ассигнаций, а также определял расходы на содержание армии. Кроме того, ему было поручено возглавить комитет по проверке финансов Польши. Фактически при Павле I Васильев сосредоточил в своих руках набор функций, присущий министру финансов. При Павле I Васильев был награждён орденом Андрея Первозванного, высшей государственной наградой Российской империи, и ему был пожалован титул барона. О том, что Васильев был приближённым к императору человеком,

свидетельствует и то, что, когда Алексей Иванович являлся государственным казначеем, Павел I ежегодно отправлял ему до 300 записок, на основании которых выпускались императорские указы.

Сохранились интересные свидетельства о службе Васильева при Павле I:

«– Возьмите от меня вора! – сказал государь.

Оболянинов (П. Х. Оболянинов, фаворит Павла I, генерал от инфантерии. – *Прим. авт.*) стоял в недоумении.

– Я вам говорю, сударь, возьмите от меня вора!

– Смею спросить, Ваше Величество, кого?

– Барона Васильева, сударь! Он украл четыре миллиона.

Оболянинов начал было оправдывать этого славившегося честностью государственного казначея.

– Знаю, – закричал Павел, – что вы приятель ему; но мне не надобно вора; дайте мне другого государственного казначея.

– Ваше Величество, – отвечал Оболянинов, – извольте назначить сами, я не имею ни на кого указать; или, по крайней мере, позвольте мне подумать несколько дней.

– Нечего думать, назначьте сейчас и приготовьте указ об этом в Сенат.

– Ваше Величество, – решился возразить Оболянинов, – указом нельзя сделать государственного казначея.

– Как ты осмелился сказать, что мой указ не сделает государственного казначея?!

С этими словами император схватил Оболянинова за грудь и так толкнул его, что тот отлетел к стене. Оболянинов считал себя погибшим, губы его шептали молитву, а на глазах показались слёзы. Павел опомнился и уже более спокойно спросил:

– Почему же вы, сударь, защищаете барона Васильева?

– Потому, – отвечал с твёрдостью Оболянинов, – что я его знаю и уверен, что он не способен на подлое дело.

– Но вот его отчёт, смотрите, тут недостаёт четырёх миллионов.

Оболянинов прочёл и действительно увидел этот недостаток. Полный удивления, он говорит:

– Ваше Величество справедливо изволили заметить; но по моей обязанности осмелюсь доложить, что никогда не должно осуждать обвиняемого, не спросив прежде у него объяснений. Позвольте мне сейчас же съездить к нему и узнать, что он скажет.

– Поезжайте, – сказал император, – и от него тотчас опять ко мне; жду с нетерпением ответа.

Оболянинов поехал. Оказалось, что в отчёте государственного казначея пропущены те четыре миллиона на какие-то чрезвычайные расходы, которые сам Павел приказал не вносить в общий отчёт и подать о них особую записку.

– Доложите государю, – сказал Васильев, – что я представил эту особую записку ещё прежде и Его Величество, сказав, что прочтёт после, изволил при мне положить её в такой-то шкаф, на такую-то полку, в своём кабинете.

Обрадованный Оболянинов поспешил к государю и доложил обо всём. Павел, ударив себя одною рукою по лбу, другой указал на шкаф, сказав:

– Ищите тут!

Записка была найдена, и всё объяснилось к чести государственного казначея. Павлу сделалось совестно.

– Благодарю вас, Пётр Хрисанфович, – сказал он, – что вы оправдали барона Васильева и заставили думать о нём по-прежнему как о честном человеке. Возьмите Александровскую звезду с бриллиантами, отвезите её к барону Васильеву и объявите, что я, сверх того, жалую ему пятьсот душ крестьян».

Данный инцидент был разрешён, но вскоре у Васильева произошёл следующий конфликт с одним из приближённых людей к императору Павлу I – графом И. П. Кутайсовым. Ссора разгорелась даже несмотря на то, что дочь И. П. Кутайсова была замужем за племянником Васильева. Алексея Ивановича уволили со всех должностей, вместе с тем, основываясь на имеющихся фактах, можно предполагать, что Васильев был не столько жертвой интриг, сколько главным интриганом.

После увольнения барона на место государственного казначея был назначен друг юности Васильева, поэт и государственный деятель Г. Р. Державин, который принял непосредственное участие в смещении Васильева с поста. Васильев познакомился с Г. Р. Державиным ещё в юности, в доме А. А. Вяземского, куда, по словам С. М. Бриллианта, «через приятелей своих Державин вошёл... и скоро стал у него домашним человеком». Отношения двух друзей связывает интересный факт: в юности Державин не захотел жениться на княжне Урусовой, на которой позже женился Васильев. Биограф Г. Р. Державина сообщает: «Княгиня стала сватать ему даже родственницу, княжну Урусову, любительницу литературы, но некрасивую. К чести Державина, он отказался от брака по расчёту и отделался шуткой: “Она пишет стихи, – говорил он, – да и я мараю; занесёмся оба на Парнас, так некому будет и щи сварить”».

О смещении Васильева биограф поэта пишет: «Державин получил должность президента Коммерц-коллегии, а затем, обойдя как-то приятеля своего Васильева, назначен был на его место государственным казначеем. В “Записках” своих он хвалится, впрочем, тем, что спас Васильева, дав ему время скрыть грехи своего управления финансами. Дело, однако, возникло, враги Васильева старались его погубить в угоду любимцу Павла Кутайсову; за него вступился горячо наследник престола. Державин, как сам сознаётся, “балансирует на ту и другую сторону”. Дело было накануне воцарения Александра, и в самый день вступления его на престол особым указом повелено Васильеву вступить во все прежние его должности, а Державину “остаться в Сенате”. Так окончилась деятельность его в недолгое царствование Павла».

С будущим императором Алексей Иванович познакомился ещё в 1798 году, когда ему было поручено заниматься проверкой финансов Польши. Благодаря большому опыту работы в финансовой сфере и доверию нового императора, Васильев был вновь назначен государственным казначеем и восстановлен в других должностях, а также «удостоился получить графское достоинство» и вошёл в «Негласный комитет», фактически руководивший страной в первые годы правления Александра I.

Новый карьерный взлёт Васильева привёл к дальнейшему развитию конфликта с Г. Р. Державиным. В. Ф. Ходасевич описывает ситуацию так: «Место государственного казначея пришлось возратить Васильеву. Положение было не из приятных, но Державин чувствовал, что роптать он не вправе. Хоть и не поступился он ради Кутайсова справедливостью; хоть и перед Васильевым его совесть была чиста (он искренно считал, что в государственные казначеи Васильев не годился и запустил дела чрезвычайно); хоть сам Васильев недавно приезжал к нему и со слезами благодарил за кое-какие поблажки, – всё же он сознавал, что последние ордена свои, чины, должности и награды получил через самые грязные руки им же осуждённого царствования – через руки Кутайсова. Самое приспособление Державина к обиходу павловского двора было слабостью, падением, за которое теперь наступила расплата, сравнительно ещё не тяжёлая: Державин мог ожидать, что взамен казначейства получит иную должность. После создания министерств в 1802 году Васильеву было предложено занять должность министра юстиции, однако он отказался и был назначен министром финансов, первым в истории России. По воспоминаниям Г. Р. Державина, именно он, а не Васильев должен был стать первым министром финансов. Г. Р. Державину в итоге досталась должность министра юстиции».

Васильев занимал должность министра финансов пять лет: с 1802 по 1807 год. Возглавив финансовое ведомство, Алексей Иванович старался вникать в малейшие подробности работы министерства. Особое внимание уделял кадровому вопросу. Выпускники учебных заведений,

новые сотрудники министерства перед приёмом на службу проходили проверку знаний (идея, которую позже пытался реализовать М. М. Сперанский – государственный деятель, законодатель, возглавлявший реформаторскую деятельность Александра I). Государственная служба Васильева в Министерстве финансов пришлась на тяжёлый период: Российская империя одновременно вела несколько войн: с Османской империей, Персией и наполеоновской Францией. Для предотвращения негативных процессов в финансовой сфере министерство выпускало новые ассигнации, принимало меры по сокращению государственного долга и добилося того, что был закрыт большой геноуэзский заём. При Васильеве были упорядочены взимание гербового сбора, ограничена деятельность откупщиков, улучшено управление лесным имуществом, изменилось горное законодательство, разрешено создание частных банков в Прибалтике. Был определён порядок составления росписи (бюджета) доходов и расходов, считавшийся в то время государственной тайной и секретный даже для Сената.

Васильев скончался, занимая должность министра финансов. Заслуги графа Васильева были почтены Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 18 августа 1807 года. В нём, в частности, сказано: «К крайнему прискорбию Нашему, смерть прекратила посвящённую более 50 лет службе Отечеству жизнь Нашего действительного тайного советника и Министра финансов графа Васильева. Неутомимая деятельность, ревностнейшее усердие к пользам Отечества и особенные способности и знание в делах государственных достойно возвели его с начальных степеней службы до управления одною из важнейших частей государственного хозяйства... в самые трудные времена, при чрезвычайных государственных нуждах, благоразумием и опытностью своею, избирая наилучшие способы к исправлению всех оборотов, к его части принадлежащих, содействовал тем к облегчению важнейших предприятий, к пользе и славе Отечества обращённых. Сверх таковых достоинств и заслуг государственного человека представлял он собою в домашней жизни пример добродетельного гражданина; и по всем сим отношениям, приобретшим ему всеобщее уважение и Наше особенное благоволение и доверенность, заслуживает он пребыть в памяти признательного Отечества...»

Поскольку у Алексея Ивановича не было сыновей, то свой графский титул он передал племяннику. Первый министр финансов погребён на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Мраморный саркофаг, архитектором которого предположительно является Д. Кваренги, над могилой первого министра финансов был сооружён на средства его племянника Фёдора Александровича Голубцова, ставшего министром финансов после смерти А. И. Васильева.

Сохранилось несколько портретов первого министра в мундире Мальтийского ордена кисти известного художника В. Л. Боровиковского, с которым Васильев познакомился через Г. Р. Державина. Картины находятся в собрании Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи и др. В описании одного из портретов Васильева отмечается, что «композиция статичная и сдержанная, выражение лица и глаз более жёсткое, даже несколько высокомерное, фигура и лицо напряжённые. С портрета смотрит строгий государственный чиновник, для которого главное – заботы о государственной казне, точность и расчёт... Возможно, по замыслу автора, такая лаконичность, жёсткость и даже некоторая сухость изображения обусловлена должностным положением государственного казначея России, сосредоточенного только на своих служебных обязанностях».

По мнению исследователя, автора многочисленных работ, посвящённых финансам России, С. Н. Петишкиной, Васильев в период руководства Министерством финансов «не провёл ни одной крупной экономической меры, но полностью посвятил себя улучшению государственного счетоводства и отчётности, в котором имел большой практический опыт, и это было актуально на начальном этапе функционирования Министерства финансов». Наиболее важными документами, принятыми в период министерства Васильева, считаются не финансовые,

а отраслевые: Устав о государственных лесах и Горное положение, ставшее основой для горного законодательства России на долгое время.

Князь А. А. Чарторыйский, входивший вместе с Васильевым в «Негласный комитет», писал: «Васильев, бюрократ, способный и честный человек». Другие современники (А. А. Безбородко, С. В. Воронцов, В. П. Кочубей и т. д.) отмечали, что у Васильева «добрый, благодетельный и твёрдый характер», он трудолюбив и скрупулёзен, лично знал всех подчинённых и обращался с ними исключительно вежливо, без какой-либо заносчивости, однако новые идеи Васильев мало приветствовал. Отличался простотой быта, был умерен во всём.

По оценке известного историка Н. Н. Бантыш-Каменского, «Васильев, с приятною наружностью, пронизательным умом и быстрым соображением, соединял доброе сердце, нрав скромный, обходительный; отличался бережливостью; был трудолюбив, беспристрастен, доступен для каждого, ласков со всеми; никогда не предавался порывам гнева и не оскорблял никого словом, даже взглядом суровым». По словам мемуариста Ф. Ф. Вигеля, «в нём была вся скромность великих истинных достоинств. Простота его жизни была не притязание на оригинальность, не следствие расчётов, а умеренности желаний и давнишних привычек. Будучи происхождения незнатного, едва ли дворянского, он не ослеплялся счастьем, никогда не забывался среди успехов. Сам Сперанский рассказывал при мне, как даже он был тронут патриархальностью, которою всё дышало в его доме».

Наиболее критическая оценка деятельности Васильева принадлежит, как уже можно догадаться, другу графа, известному поэту и государственному деятелю Г. Р. Державину. По его мнению, Васильев был корыстолюбив, и при нём «тащил казну всякий по своему желанию». Однако документальных подтверждений служебных преступлений Васильева так и не было предоставлено. Такая оценка в какой-то степени могла быть обусловлена личными отношениями и разногласиями между Державиным и Васильевым. Критическую оценку деятельности Министерства финансов при Васильеве также оставил финансист и публицист Г. Блюх. По его словам, отчёты, готовившиеся тогда в министерстве, были в основном подтасовками. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона сказано, что из-за чрезмерного выпуска ассигнаций Васильева можно считать «плохим финансистом». По воспоминаниям мемуариста, современника событий времени правления Александра I, Д. П. Рунича, негативная оценка деятельности А. И. Васильева как «старого рутинёра» могла сформироваться во время финансовых преобразований М. М. Сперанского.

В 2012 году Банк России выпустил памятную монету, посвящённую 270-летию со дня рождения Васильева. В Москве с 2013 года на базе Финансового университета при Правительстве РФ проходит ежегодный форум «Общественные финансы: наука и практика», названный в честь первого министра финансов России, который собирает теоретиков и практиков государственных финансов. Цель форума – стимулировать развитие научно-практической мысли в сфере экономики и финансов общественного сектора.

Среди прямых потомков первого министра финансов России наиболее известны княгиня Е. Н. Белосельская-Белозерская (1893–1982), ставшая в эмиграции манекенщицей, супермоделью известных парижских домов моды; народный артист СССР П. П. Глебов (1915–2000), известный по кинофильмам (Григорий Мелехов – «Тихий Дон» и др.) и работой в театре (Московский драматический театр им. К. С. Станиславского; Театр-студия киноактёра).

**Голубцов
Фёдор
Александрович
(1758–1829)**

Фёдор Александрович Голубцов происходил из старинного дворянского рода, известного со времён Дмитрия Донского. Получил домашнее образование, а также обучался в привилегированном Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе. Систематического экономического образования не имел.

Голубцов служил в армии, Сенате, Государственной соляной экспедиции и в Экспедиции по начётам и недоимкам и др. Последняя должность была получена по протекции родного дяди Голубцова графа А. И. Васильева. За службу в Экспедиции по начётам и недоимкам Павел I наградил Голубцова орденами.

В период правления Александра I, когда А. И. Васильев занял должность министра финансов, Голубцов был назначен государственным казначеем (1802–1807), а также вошёл в состав комитета министров. По словам Г. Р. Державина, Голубцов был искусным интриганом: явился к нему как к генерал-прокурору с обвинением на министра финансов А. И. Васильева в связи с «расстройством казны». Однако потом Голубцов отказался от своих слов и утверждал, что это сам Державин заставлял его доносить на дядю. Г. Р. Державин позже предполагал, что это была общая интрига дяди и племянника против него самого.

После смерти дяди Фёдор Александрович был назначен управляющим Министерством финансов. На назначение повлияли деловые и родственные связи с А. И. Васильевым, протекция со стороны влиятельного в те годы А. А. Аракчеева, а также тесная связь казначейства с Министерством финансов.

Занимая должность министра финансов недолгий срок (1807–1809, официально только в 1809 году), Голубцов не внёс серьёзных изменений в работу министерства. В период его руководства финансовым ведомством возрастал выпуск ассигнаций, была реформирована Экспедиция о государственных доходах, приняты правила о ревизии государственных счетов, привлекались займы, а также проведены другие меры. Однако в связи с войнами, шедшими в это время, экономическая ситуация в стране ухудшалась.

В период министерства Голубцова большую роль в управлении министерством играл комитет финансов, в полномочия которого входило рассмотрение государственной росписи доходов и расходов, ряд общих вопросов финансовой политики, и именно его действия чаще определяли политику министерства, а не решения министра.

Увольнение Голубцова (не готового к «сильным мерам», «важным пожертвованиям» и чрезвычайным займам) произошло по инициативе влиятельного в то время М. М. Сперанского. Он выступил с проектом финансовых реформ, которые осторожный министр не поддержал. Немалую роль в смещении чиновника сыграли и интриги его товарища (заместителя) Д. А. Гурьева, который впоследствии и занял должность министра. Насколько известно, Голубцов не сопротивлялся попыткам сместить его. Ф. Ф. Вигель указывал, что к отставке привели «добродушие и слабохарактерность» Голубцова. Современная исследовательница Л. П. Марней полагает, что «подлинной причиной его отставки, вероятнее всего, послужила не мягкость характера, а борьба придворных группировок, обострение которой было связано с проектами Сперанского». После ухода со своего поста Фёдор Александрович не играл большой роли в системе управления Российской империи, занимал почётную, но не значимую должность члена Государственного совета. Князь А. И. Барятинский хотел взять бывшего министра управляющим своего огромного имения, однако отказался от этой идеи. К. А. Скалковский отме-

чал, что «слабохарактерный Голубцов неосторожностью секретаря был изобличён во взятках». Участниками интриг против Голубцова были также А. А. Аракчеев и французский посланник.

Современники Голубцова оценивали его как человека «добродушного», «слабохарактерного», «осторожного», а также как «хилого, жёлтенького, опрятненького», встречающего посетителей «добродушной улыбкой» и обходящегося с ними «так ласково, как никто из должностных лиц в Петербурге» («ласковый министр»).

В воспоминаниях Г. Р. Державина Голубцов был назван «грабителем» (видимо, между ними существовали какие-то денежные отношения), указывал на беспорядки в финансах в период министерства Голубцова.

**Гурьев
Дмитрий
Александрович
(1751–1825)**

Дмитрий Александрович Гурьев происходил из небогатого дворянского рода, известного с XV века. Будущий министр финансов получил домашнее образование и после этого так же, как его отец, служил в армии. В молодости несколько лет жил за границей, где получил «инострannую образованность», а по другим оценкам, совершенствовался в основном в сфере гастрономии. По словам Ф. Ф. Вигеля, Гурьеву «хотелось во что бы ни стало попасть в люди, и слепое счастье услышало мольбы его. Он случайно познакомился с одним молодым, женоподобным миллионером, графом Павлом Мартыновичем Скавронским, внуком родного брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьев умел ему полюбиться, даже овладеть им и более трёх лет странствовал с ним по Европе... Получил он <...> сверх того от Скавронского три тысячи душ в знак памяти и верной дружбы». Гурьев пользовался также покровительством фаворита Екатерины II Г. А. Потёмкина после женитьбы графа Скавронского на племяннице Потёмкина. На карьере Гурьева повлияла и женитьба на графине П. Н. Салтыковой, «тридцатилетней девке, уродливой и злой, на которой никто не хотел жениться». С 1800 года Гурьев примкнул к окружению будущего императора Александра I, в том числе был близок к М. М. Сперанскому, П. А. Строганову, В. П. Кочубею, Н. Н. Новосильцеву и А. А. Чарторыйскому. По словам Ф. Ф. Вигеля, «умел он как-то припутаться к партии Новосильцовых, Кочубеев, Чарторыйских и попал в товарищи министра финансов», «посредством родственных и других связей... водворился он в так называемом высшем кругу». После воцарения Александра Гурьев назначен управляющим императорским кабинетом, соответственно и карманными деньгами императора. В 1802 году свёл знакомство с министром финансов А. И. Васильевым, стал его приятелем, а потом и заместителем.

В последние годы жизни А. И. Васильев тяжело болел, поэтому Министерством финансов фактически руководил Гурьев. Известно, что он надеялся стать министром финансов сразу после А. И. Васильева (до назначения Ф. А. Голубцова, против которого он плёл интриги), но ему это не удалось. Благодаря значительной поддержке М. М. Сперанского, а также, вероятно, при содействии А. А. Аракчеева Гурьев был назначен министром финансов только в 1810 году, после того как «не проявившего себя на должности министра» Ф. А. Голубцова отправили в отставку. К этому времени Дмитрию Александровичу было уже почти 60 лет. Одновременно с назначением министром финансов Гурьев стал членом Государственного совета и директором Государственной комиссии погашения долгов.

Как полагал управляющий делами комитета министров, государственный секретарь, автор мемуаров М. А. Корф, вначале возглавить министерство предложили В. П. Кочубею, но тот отказался. По мнению графа Ф. П. Толстого, высказанному с иронией, Д. А. Гурьев, «сделался министром финансов за введение в счётные шнуровые книги Кабинета Его Величества, которого он был директором, различных цветов линеек – голубых, красных, синих, зелёных, розовых, малиновых. Насколько эти стольких красивых цветов линейки облегчают счетоводство шнуровых книг, знают бухгалтеры, но с наружного виду эти книги сделались гораздо красивее, а как у нас чрезвычайно высоко ценится наружность, то Гурьев по представлении этих книг был пожалован графом».

По словам писателя и публициста Р. И. Сементковского, «трудно себе даже представить, как этот бывший гвардейский офицер, обязанный своим служебным повышением исключительно матримониальным делам и умению угождать людям, – этот *bon vivant*, этот человек,

прославившийся изобретением гурьевской каши, мог попасть в министры финансов в такое время, когда во главе управления стоял Сперанский, и ещё труднее понять, как он мог в течение тринадцати лет продержаться у власти. Кажется, ему это удалось только благодаря тому, что он щедро раздавал деньги тем, кто заручался влиянием при помощи разных интриг и козней». Другой современник отмечал, что Гурьев как министр не пользовался «ни малейшим уважением, зато по кухмистерской части он достиг неувядаемой славы изобретением великолепной гречневой каши на мозгах из говяжьих костей, о которой не только во всём Петербурге и Москве известно, но и в самых отдалённых краях России. А любящие покушать господа утверждают, что эта каша есть важнейшее изобретение нашего века». По воспоминаниям экономиста и публициста Н. И. Тургенева, «его дом был одним из первых в Петербурге; всякий день там собирались придворные, дипломаты, высшие чиновники. Его жена, которая всемерно поддерживала влияние мужа, была своего рода властью, не признавая которой можно было навлечь на себя опасности». О своей первой встрече с министром Тургенев вспоминал, что тот «читал – или делал вид, что читает, – номер “Минервы”... Я считал подобного рода чтение вполне естественным даже для русского министра. Теперь, вспоминая эпизоды тех времён, я склонен думать, что министр не столько читал “Минерву”, сколько желал показать мне, что в часы досуга читает подобные издания». Далее Н. И. Тургенев писал, что Гурьев, «как и многие другие министры, был окружён ловкачами, прожектёрами, которые переполнены новыми идеями и обладают большими возможностями».

Первые годы управления министерством (до отставки М. М. Сперанского) главную роль в финансовом ведомстве, видимо, играл сам Сперанский, а не Гурьев. Сложилось мнение, что все проекты Гурьева были созданы под влиянием более компетентных лиц. Публицист и историк Р. И. Сементковский пишет: «Пока Сперанский был во власти, он сам управлял финансами: ему нужен был не столько самостоятельный, сколько исполнительный деятель, а угождать Гурьев умел».

В 1810 году по инициативе М. М. Сперанского был принят финансовый план, разработанный небольшим кругом влиятельных лиц: Д. А. Гурьевым, Б. Б. Кампенгаузенем, В. П. Кочубеем, Н. С. Мордвиновым. В соответствии с планом предусматривалось сбалансирование государственных доходов и расходов с помощью прекращения выпуска ассигнаций и увеличения налогов. Реализация плана была сорвана Отечественной войной 1812 года и отставкой М. М. Сперанского. Отечественная война и заграничные военные походы ещё более ухудшили состояние российских финансов. В дальнейшем, несмотря на повышение налогов, дефицит бюджета только возрастал. Министр финансов в откровенно мрачных тонах писал А. А. Аракчееву: «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовых оборотов, что нельзя без ужаса подумать о последних месяцах сего года и чем они кончатся».

После увольнения М. М. Сперанского между ним и Д. А. Гурьевым произошёл конфликт, но через некоторое время отношения были восстановлены. Именно Дмитрий Александрович настоял на назначении ему содержания, даже напоминал императору о полезности возвращения Сперанского к государственной деятельности, что было проявлением своего рода мужества. В переписке министр финансов часто интересовался мнением М. М. Сперанского в отношении финансовых проектов, реализуемых им в министерстве. «Вы один в состоянии дать направление и совокупить к единству действия правительственных частей, ежели бы были введены в круг прежнего вашего положения», – писал он опальному государственному деятелю.

Важным финансовым решением министра финансов после Отечественной войны было изъятие из обращения части ассигнаций для повышения их курса. Также была отменена откупная система обложения винной торговли и установлена казённая продажа вина, благодаря чему в первые годы после реформы резко возросли доходы государства. В период министерства Дмитрия Александровича был создан Государственный коммерческий банк, ставший достаточно автономным от верховной власти учреждением, разрабатывалась реформа введения пен-

сионной системы для государственных чиновников, по поручению Александра I создавались проекты будущей крестьянской реформы. Весь период министерства Гурьева происходила борьба между сторонниками протекционизма и свободной торговли.

За время работы в Министерстве финансов Гурьев дважды подавал прошение об отставке, ссылаясь на слабое здоровье, однако император не удовлетворил эти прошения. В 1823 году Гурьев оставил должность министра финансов: официально по собственной просьбе и по состоянию здоровья. Неофициально считается, что настоящей причиной было истощение государственных доходов, в том числе вызванное «тою угодливостью, которую проявлял Гурьев по отношению к разным влиятельным лицам». Поэт А. Е. Измайлов, служивший в Министерстве финансов, написал сатирическое стихотворение на отставку министра.

Раздражение среди современников вызывало и то, что Гурьев значительную часть средств, переданных правительством для оказания помощи голодающим в Белоруссии, потратил на покупку разорённого имения одного из дворян для своих нужд. При этом с голодающих продолжалось взыскание недоимок. По словам Б. Б. Кампенгаузена, самого желавшего стать министром финансов, «человек толстый, жирный и откормленный (то есть сам Гурьев) не может понимать нужд голодного». Недовольство императора вызывало желание Гурьева увеличить власть министра финансов. Также сказалось и общее разочарование Александра I в реформаторской деятельности, усиление консервативных тенденций. На отставку Гурьева могли повлиять разногласия с членами Государственного совета и особенно с Н. С. Мордвиновым – председателем Департамента государственной экономии, ухудшение отношений с А. А. Аракчеевым, другие обстоятельства.

Острым критиком финансовой деятельности Гурьева выступал новый министр финансов Е. Ф. Канкрин. Он писал: «Казначейство приближается к банкротству... доходы совсем не поступают, как предместник мой полагал». По словам графа А. И. Рибопьера, «не у многих государственных людей было столько врагов, как у Гурьева. Немало интриг ведено против него. Император Александр, однако, верил в его честность и познания и постоянно защищал его против врагов». Отставка Гурьева пришлась на Пасху 22 апреля 1823 года. Она произвела большой шум в Петербурге. «Христос воскрес, Гурьев исчез!» – поздравляли друг друга жители. После отставки и до смерти в 1825 году Дмитрий Александрович сохранил должность министра уделов и управляющего императорским кабинетом.

Гурьев – один из немногих министров финансов, которому посвящена специальная монография, автором её является Л. П. Марней. По её мнению, деятельность Гурьева была недооценена в историографии, так как он был одним из предшественников денежной реформы Е. Ф. Канкрин, подготовившим базу для её реализации.

В отношении личности Гурьева его современники писали, что он «никогда не был ни хорош, ни умён... вместе с тем чрезвычайно искателен и угодителен». В отношении финансовых вопросов «держался строгой тайны». Отмечали, что он «...обладал умом неповоротливым и ему трудно было удержать равновесие суждений». Гурьев «был недоступен для подчинённых... покровительствовал родственникам». Писатель и журналист Н. И. Греч называл Гурьева не иначе как ничтожество. М. А. Корф отмечал, что «Гурьев был человек без большого делового ума и ещё менее учёного образования; но имел много доброй воли и ещё более придворной тонкости». По словам мемуариста Ф. Ф. Вигеля, Гурьев «подведомственных ему чиновников... подавлял тяжестью ума своего; в свете же имел все задатки величайшего аристократа, хотя отец его едва ли не из податного состояния». Семейство Гурьева было «в обществе нестерпимо и нагло со всеми, кого не признавали своими, то есть (чин, титул и древность рода! в сторону) со всеми, коих богатство и кредит при дворе были незначительны». Ф. Ф. Вигель считал, что «Гурьевы какими-то финансовыми оборотами более чем щедротами монарха стяжали себе великое состояние и сделались вельможами, тон общества стал заметно грубеть; понятия о чести стали заметно изменяться и уступать место всемогуществу золота». Ф. Ф. Вигель

также писал об алчности Гурьева, о том, что он был одним из первых, кто стал «у нас основателем явного поклонения золотому тельцу». После того как Дмитрий Александрович стал министром, его называли «горделивый граф», «почитавший себя первым министром» и имевший «дурацкую напыщенность». В воспоминаниях государственного деятеля того времени, писателя и публициста Ф. В. Ростопчина о Гурьеве говорится, что он был «человек умный, весьма любезный в тесном кружке, не имеющий другого образования, кроме умения свободно объясняться по-французски, интриган и честолюбец в высшей степени, относит всё к самому себе; обременён делами, которыми занимается в полудремоте; столь же грузен телом, сколько тяжёл на работу; великий охотник до лакомых блюд и до новостей в административном мире; легко поддаётся на проекты; всем жертвует своему желанию удержаться в милости и увеличить своё состояние». Экономист, писатель-публицист К. А. Скалковский отмечал, что «в управлении финансами Гурьев держался строгой тайны, в своих планах отличался темнотою, притом был недоступен и тяжёл для подчинённых, покровительствовал родственникам, а его финансовые операции даже людям, не особенно расположенным к его врагам, но вникавшим в его дела, казались “волшебными” и “мало полезными в настоящем положении финансов”».

Вместе с тем другую оценку деятельности Гурьева оставил в мемуарах сотрудник министерства П. И. Голубев, принадлежавший к «небольшому кружку людей, которые чтит память графа Гурьева». По словам П. И. Голубева, министр Гурьев «со славой вышел из величайших финансовых затруднений», а всеобщая к нему ненависть была незаслуженной и вызвана тем, что министр «не слишком-то милостиво поступал с должниками казны», а «вельможи недолюбливали Дмитрия Александровича за чрезвычайную скупость в распоряжении государственными суммами». Мемуарист, издатель «Петербургского Еженедельника» О. А. Пржецлавский вспоминал, что Гурьев «вообще не был любим, в особенности за то, что интересы казны, в соответствии с интересами частных лиц, соблюдал слишком строго и в явный ущерб справедливости. Самые явные претензии к казне испытывали нескончаемые проволоочки и оканчивались отказом».

По мнению Л. П. Марней, «Гурьев был деятелем своего времени, и, как всякому человеку, ему были свойственны как положительные, так и негативные черты, свои слабости, симпатии и антипатии. Однако в своей государственной деятельности он стремился в меру сил и способностей служить России... Сохранившиеся проекты, многие из которых так и остались на бумаге, позволяют говорить, что Д. А. Гурьев являлся достойным предшественником Е. Ф. Канкрин».

Помимо руководства финансами, Гурьев прославился как заядлый любитель гастрономии, на его изысканные обеды приходили высокопоставленные сановники. Дмитрий Александрович стал изобретателем известной гурьевской каши, рецепт которой сохранился до наших дней. Появлению гурьевской каши предшествовал обед министра в имении отставного майора, где на десерт была подана совершенно необычная на вид и вкус каша, приготовленная крепостным крестьянином.

Гурьев пожелал купить крепостного. Владелец повара «запросил ни более, ни менее как... меру золота (червонцев)» (мера – сосуд для измерения сыпучих тел объёмом около 26 литров). Гурьев, к удивлению владельца повара, согласился. Как отметил описавший это событие князь А. Л. Голицын: «...что обыкновенному смертному подчас кажется невозможным, для министра (особенно финансов) кажется пустяками... Что же касается до графа Гурьева, имя которого гремит нераздельно с кашей, то он уничтожил неимоверное количество ея...» Имя Гурьева также носили паштеты, котлеты и т. д. Гурьевской называли в XIX веке ещё и разведённую водой водку. Гурьевским также был назван императорский фарфоровый сервиз численностью несколько тысяч предметов. Помимо финансов, Александр I доверил Гурьеву управлять санкт-петербургским Императорским фарфоровым заводом. Кроме гастрономии и фарфора, Гурьев оставил о себе память и в архитектуре. В селе Богородское (современное село

Богородское Рузского района Московской области) на его средства в стиле классицизма была построена каменная церковь, сохранившаяся до наших дней и открытая для богослужений.

Канкрин Егор Францевич (1774–1845)

Егор Францевич Канкрин родом из немецкого дворянского рода. Его предки первоначально носили фамилию Кребс, что в переводе с немецкого означает «рак». Фамилия Канкрин – это искажённый перевод слова «рак» на латынь.

Отец Канкрин Франц Людвиг был минералогом. Однако в Германии он занимался не только наукой, но и монетными вопросами в казначействе (в дальнейшем интерес к монетному делу и минералогии передался и его сыну Георгу фон Канкрину). На российскую службу Франц Людвиг перешёл при Екатерине II. В России Канкрин-старший стал членом Берг-коллегии (орган по руководству горнорудной промышленностью), написал сочинения по горному делу и юридическим вопросам, составившим «целую маленькую библиотеку».

Сын Франца Людвига окончил классическую гимназию в Германии, а позже изучал юридические и политические науки в Гессенском и Марбургском университетах. После завершения учёбы некоторое время служил у одного из немецких герцогов правительственным советником. В это же время Георг фон Канкрин написал своё первое литературное произведение – роман «Дагобер...», в котором отразились как романтический характер автора, так и его философские искания и вера в науку.

Благодаря отцу Канкрин в 1797 году поступил на службу в России, но из-за незнания русского языка и плохого понимания административных порядков определённого места не получил. Некоторое время трудился помощником отца, но, поссорившись с ним, был вынужден работать бухгалтером, учителем и т. д. Из-за отсутствия постоянного места службы в первые годы жизни в России будущий министр испытывал значительные материальные сложности. По словам биографа Е. Ф. Канкрин Р. И. Сементковского, он «страшно бедствовал, терпел нужду и голод, сам чинил себе платье и сапоги, вынужден был отказаться от курения табака. Вероятно, в это время... в нём выработалась привычка к бережливости, которую он сохранил в течение всей своей жизни: простой и умеренный образ жизни составлял одну из отличительных черт Канкрин в сравнении с его товарищами по службе».

Возвышение Е. Ф. Канкрин произошло благодаря исключительно личным заслугам и его научным трудам. Вице-канцлер граф И. А. Остерман высоко оценил представленную Егором Францевичем записку «об улучшении овцеводства в России». Впоследствии по протекции вице-канцлера Е. Ф. Канкрин был устроен в Министерство внутренних дел. Публикация в Санкт-Петербурге его книги «Фрагменты о военном искусстве с точки зрения военной философии» на немецком языке вызвала интерес военного министра князя М. Б. Барклая-де-Толли. По его заданию Е. Ф. Канкрин подготовил работу «О средствах продовольствия больших армий». Анонимно Канкрин опубликовал «Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии».

После публикации работ Е. Ф. Канкрин его личностью заинтересовался сам император Александр I. Ему было доложено, что Канкрин «очень знающий и способный человек, но жёсткий, бескомпромиссный». По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, при поддержке М. Б. Барклая-де-Толли, а также других немецких генералов Е. Ф. Канкрин был назначен помощником генерал-провиантмейстера военного департамента, а затем вскоре был произведён в генерал-интенданты.

Генерал-интендант Канкрин участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничном походе русской армии. По просьбе М. И. Кутузова он составлял план продвижения русской

армии в Париж. По свидетельству одного из биографов, Александр I в период войны лично общался с Канкриным. В беседе с генерал-интендантом император признался ему: «Мы находимся в очень дурном положении. Если ты найдёшь средства добыть необходимые припасы, то я тебя вознагражу так, как ты этого не ожидаешь». По мнению мемуариста Ф. Ф. Вигеля, Е. Ф. Канкрин выполнил просьбу императора: отвечая за продовольственную часть армии, добился того, что «четыре года сряду в России, в Германии, во Франции войско наше, благодаря его попечениям, ни в чём не нуждалось». По мнению одного из биографов, «...графа Канкрина, несомненно, следует причислить к героям нашей Отечественной войны наряду с теми героями, которые на полях битвы стяжали себе благодарность потомства...». Егор Францевич строго следил не только за экономией средств, но и за тем, чтобы всё имущество и продовольствие полностью и вовремя доходили до армии, боролся со взяточничеством и хищениями. После войны Канкрин вёл переговоры с германскими государствами о снабжении продовольствием русской армии и с Францией о возмещении расходов по выплате контрибуции России и содержанию русской армии. За блестяще проведённые переговоры в 1815 году он был произведён в генерал-лейтенанты. Император был поражён тем, как Канкрин умел сберечь 26 миллионов рублей из сумм, ассигнованных на ведение войны. И это при том, что сам он в то время оставался необеспеченным человеком. Известен факт, что при скромном образе жизни Егор Францевич не имел достаточно средств, чтобы жить с семьёй в Санкт-Петербурге, поэтому по приезде в столицу был вынужден обратиться к императору за помощью.

После войны Канкрин продолжал заниматься научными работами, опубликовал «Отчёт за войну против французов в 1812, 1813, 1814, 1815 годах», «Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство», завершил труд «О военной экономике во время войны и мира» и др. В дальнейшем книга «Мировое богатство...» стала программой Канкрина при управлении Министерством финансов. В этой работе Егор Францевич сформулировал основные принципы финансового управления: «Надо чуждаться крайностей, избегая четырёх великих апокалипсических зверей: понижения достоинства монеты, бумажных денег, чрезмерных государственных долгов и искусственного накопления торгового капитала, и приводить в строгое соответствие расходы с естественными доходами, стремясь увеличить последние путём поощрения народного труда, порядком и хорошим управлением и только в крайнем случае прибегая к умеренным займам, чтобы их погашать при первой же возможности». Долги, по мнению Е. Ф. Канкрина, «извинительны, когда они обуславливаются крайней необходимостью... в противном же случае долги являются истинным бедствием, если обуславливаются нуждой, и безумием, и преступлением, если они заключаются без нужды». В другой работе будущий министр определил задачи правительства: «Не счастье, а усовершенствование людей должно служить целью правительства». Этому принципу, изложенному на бумаге, Е. Ф. Канкрин следовал и в жизни: находил счастье в труде.

В период обсуждения крестьянского вопроса Егор Францевич подготовил «Записку об освобождении крепостных крестьян», где предлагал наделять крестьян землёй в наследуемое владение. В этой работе Канкрин откровенно и с сочувствием писал об «ужасающем положении» русских крестьян: «С незапамятного времени не сделано в России ни одного шага к усовершенствованию в этом отношении...» Являясь горячим сторонником отмены крепостного права, он предлагал долгосрочную программу преобразований, полагая, что необдуманное решение этой проблемы может привести крестьянство к ещё большим проблемам, чем до отмены крепостной зависимости. К слову, такой же позиции придерживался и император Николай I. В дальнейшем деятельность Е. Ф. Канкрина в этом вопросе будет высоко оценена экономистами-народниками.

В начале 1820-х годов Александр I ввёл Е. Ф. Канкрина в Государственный совет, где ему было поручено заниматься вопросами государственной экономики. Через три года (в 1823 году) Егор Францевич назначен министром финансов вместо Д. А. Гурьева, деятельность которого

в сфере денежного обращения он резко критиковал. По словам современников, Канкрин стал «расхлёбывать гурьевскую кашу». Сегодня точно не известно, кто рекомендовал Канкрин на должность министра. Одни источники свидетельствуют о том, что Сперанский, который ещё в 1813 году пророчески говорил, что не было во всей России «способнее Канкрин быть министром финансов», другие называют графа Аракчеева. В пользу первой версии может выступать тот факт, что отношения между Канкриным и Сперанским всегда оставались отличными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.